

К.А. Фурсов

БОЛЬШАЯ ИГРА:
ВЗГЛЯД ИЗ БРИТАНИИ

Обзор работ Питера Хопкирка

Фурсов Кирилл Андреевич —

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Появление у России и Британии интереса к Центральной Азии	11
2. Начало Большой Игры	16
3. Деятельность пандитов	25
4. Обострение Большой Игры в 1870–80-е годы	29
5. Гонка за древности Синьцзяна	38
6. Гонка за Лхасу	48
7. Вступление Германии в Большую Игру	53
8. Британцы на обломках Российской империи	62
9. Возрождение Большой Игры: большевики против британцев	69
10. Западные путешественники в Тибете в первой половине XX в.	78
11. По следам Кима	86

В настоящее время Центральная Азия¹ является ареной интенсивного геополитического и экономического противостояния различных сил — мировых и региональных держав, транснациональных корпораций, спецслужб, преступных группировок. За этим противостоянием прочно устоялось наименование «новая Большая Игра» по аналогии с Большой игрой (Great Game) — под таким названием вошла в историю борьба за этот регион Российской и Британской империй XIX — начала XX в. После Октябрьской революции в России эта борьба возобновилась и продолжалась до начала Второй мировой войны, когда, как и в первый раз, участники свернули её перед лицом того же общего врага.

Предлагаемое в настоящем обзоре краткое содержание работ крупнейшего западного специалиста XX в. по Большой Игре, британского исследователя Питера Хопкирка (1930–2014) хронологически охватывает всю «имперскую» фазу этой борьбы (до 1907 г.) и начальный (наиболее драматичный) этап её англо-советской фазы, а географически — по сути всю территорию региона от Каспия до Тибета и от Алтая до Гималаев.

---

¹ С географическим понятием «Центральная Азия» связана терминологическая путаница, и перевести английское *Central Asia* на русский лучше разными терминами. В советской географии под Центральной Азией понимали только зарубежные азиатские территории — Монголию, Синьцзян, Тибет, а пять ССР к востоку от Каспия обозначали устойчивым словосочетанием «Казахстан и Средняя Азия» (Средней Азией регион называли в России ещё с XIX в.). В западной географии как «Центральная Азия» значились и значатся вторые (ныне — независимые государства), а первые носят название «Внутренняя Азия» (*Inner Asia*). Целесообразно наиболее широкое определение Центральной Азии, принятое ЮНЕСКО, — оно включает пять постсоветских республик, российскую Южную Сибирь, Монголию, автономные округа КНР Синьцзян-Уйгурский, Тибет, Нинся-Хуэйский и Внутреннюю Монголию, провинции КНР Цинхай и Ганьсу, а также Кашмир, Афганистан и Хорасан. Поэтому когда Хопкирк пишет только о территории современных Узбекистана, Кыргызстана, Туркменистана и Таджикистана, *Central Asia* в данном обзоре переводится как «Средняя Азия»; если смысл шире и включает Афганистан, Синьцзян или Тибет — «Центральная Азия». — К.Ф.

1. Появление у России и Британии интереса к Центральной Азии

Заинтересованность России в регионе возникала по мере продвижения её границ всё дальше на юг и восток (начало перехода в подданство России казахских жузов относится к 1730-м гг.). Что касается британцев, они соприкоснулись с данным регионом, когда к началу XIX в. более или менее консолидировали власть Ост-Индской Компании в Индии.

Неудачное имперское начинание России в Центральной Азии относится к 1716 г., когда Пётр I отправил военную экспедицию под командованием князя Александра Бековича-Черкасского установить контроль над Хивинским ханством. Долгосрочной целью было попытаться переориентировать через Россию поток товаров из Индии в Европу. Четырёхтысячный отряд дошёл в 1717 г. до Хивы, разметав сопротивление, но хан взял хитростью: объяснил, что хивинцы не смогут принять столько людей в столице, поэтому русские должны разделить войско на несколько отрядов. Бекович разделил, хивинцы тут же напали на разрозненные силы и всех перебили.

Пётр больше не возвращался к идее открыть сухопутный путь в Индию. Правда, после его смерти в 1725 г. в Европе стали ходить слухи о его завещании, в котором царь якобы велел своим наследникам выполнить историческое предназначение России — достичь мирового господства, ключом к которому было обладание Индией и Стамбулом. Большинство историков считают, что такого документа в помине не было, но страх перед Петром заставлял многих верить в его существование.

Одним из первых британцев, кто почувствовал угрозу Индии от растущего присутствия России на Ближнем Востоке и Кавказе, был председатель Контрольного совета по делам Ост-Индской Компании Генри Дандас. Правда, тогда эту угрозу затмила другая, связанная с экспедицией генерала Н. Бонапарта в Египет. Он рассматривал её как первый шаг к тому, чтобы отрезать британцев от Индии — источника их могущества и богатства. В мае 1798 г. французский флот с 40 тыс. солдат на борту тайно отплыл из Тулона и Марселя¹.

В Лондоне и Калькутте сильно встревожились, поскольку позиции британцев в Индии ещё не были прочными. Впрочем, генерал-губернатор Ост-Индской Компа-

¹ Hopkirk P. The Great Game: On Secret Service in High Asia. L.: John Murray, 1990. P. 23–24.

нии в Калькутте лорд Уэлсли сомневался в осуществимости похода на Индию, зато воспользовался возможностью сокрушить тех индийских правителей, которые демонстрировали дружбу с Францией. А 1 августа 1798 г. адмирал Г. Нельсон разбил французскую эскадру в Абукирском заливе, отрезав Бонапарта от Франции.

После того как Бонапарт стал первым консулом, царь Павел в 1801 г. решил возродить отвергнутый Екатериной план. Он предложил Бонапарту совместное нападение на Индию России и Франции. Согласно плану, 35 тыс. казаков должны были двигаться через Туркестан, привлекая на свою сторону воинственные туркменские племена обещаниями грабежей, если те помогут выдворить британцев из Индии. Равная по численности французская армия должна была спуститься по Дунаю, пересечь Чёрное море на русских судах и по Дону, Волге и Каспийскому морю прибыть в Астарабад в Северо-Восточном Иране. Тут две армии должны были соединиться и следовать через Иран и Афганистан к Инду. Не встретив поддержки Бонапарта, Павел решил действовать в одиночку¹.

24 января 1801 г. царь велел атаману донских казаков собрать в Оренбурге большое войско. Удалось собрать лишь 22 тыс. человек с пушками. Они должны были идти через Хиву и Бухару, причём освободить в русских, попавших там в рабство. Индию предполагалось поставить под контроль Петербурга — вместе с её внешней торговлей.

Плохо подготовленная военная экспедиция выступила на Хиву в разгар зимы. Она продвинулась уже на 400 миль, когда её нагнал гонец, сообщивший, что Павла убили заговорщики, а его преемник Александр приказал вернуть казаков (он не собирался воевать с Британией)². Вернув войско, Александр спас его от гибели, так как впереди ждали многочисленные трудности с продовольствием, болезни, стычки с враждебными туркменами, не говоря об армиях Хивы и Бухары.

Даже не зная о плане Павла, британцы в Индии всё острее сознавали уязвимость страны для нападения извне³. Ходили слухи о французских агентах в Иране. Другим потенциальным агрессором был соседний Афганистан. Поэтому в 1800 г. в Тегеран прибыла дипломатическая миссия Компании с богатыми дарами, которую возглавлял капитан Джон Малколм. Ему удалось заключить с шахом два договора — политический и торговый. Однако вскоре британская разведка узнала о возрождении плана похода на Индию.

¹ По другим данным, разработал и предложил этот план как раз Бонапарт, хотя его истинной целью при этом было лишь натравить Россию на Британию, а французский корпус не отправлять вовсе. В связи с этим прискорбно, что такой эрудированный историк, как Хопкирк, находится в плену исторических мифов и утверждает: «Наполеон почти наверняка понимал, что Павел... быстро теряет рассудок» (Ibid. P. 29). Павел был властолюбивым самодуром — но не безумцем. — К.Ф.

² Хопкирк отмечает, будто исходным пунктом похода был Оренбург, а дойти войско успело почти до Аральского моря. Он явно спутал описываемый поход атамана В.П. Орлова 1801 г. с походом военного губернатора Оренбурга графа В.А. Перовского 1839–40 гг. (о котором сам же расскажет далее). Орлов выступил из четырёх станиц на Дону и дойти успел лишь до Саратовской губернии (перейдя по льду Волгу). Особенно забавно, что в версии Хопкирка Волга осталась: казаки, мол, пересекли её по пути из Оренбурга к Аралу (Ibid. P. 29). Автор не дал себе труда взглянуть на карту. — К.Ф.

³ Британцы прекрасно знали о плане Павла. Он предусматривал не только сухопутный поход, но и отправку из Петропавловска-Камчатского в Индийский океан трёх фрегатов блокировать британскую торговлю с Китаем (последнее напугало британцев ещё больше идеи сухопутного похода). Не случайно в заговоре против Павла активно участвовал бывший британский посол Ч. Уитворт. — К.Ф.

В 1808 г. генерал-губернатор Компании лорд Минто вновь отправил Малколма в Иран, но дальше Бушира персы его не пустили. После этого прибыл эмиссар из Лондона сэр Харфорд Джоунз. Шах узнал о тайной сделке Наполеона с Александром и понял, что французы тоже не помогут ему против русских. Он вновь склонился к Британии, а французскую миссию выслал. Джоунз заключил с шахом новый договор, согласно которому тот обязался не пускать через Иран войска любой державы, идущие на Индию, и не участвовать в предприятиях, вредящих британским интересам. Британия обязалась оказать шаху военную помощь в случае нападения извне, а если это невозможно, поставить ему достаточное количество оружия и советников — если сама находится с агрессором в мире. Данный пункт явно имел в виду Россию: шах не собирался делать одну ошибку дважды. Кроме того британцы обещали шаху ежегодную субсидию в 120 тыс. ф. ст. и военных советников для модернизации армии¹. Эту миссию вновь возглавил Малколм.

Одновременно британские разведчики были отправлены из Индии в дикие земли Белуджистана и Афганистана. Весной 1810 г. капитан Чарлз Кристи и лейтенант Генри Поттинджер из 5-го бомбейского полка туземной пехоты отправились в эти места под видом мусульман. К счастью для них никто из жителей этого отдалённого региона никогда не видел европейцев. Кристи взял курс на Герат, маскируясь под торговца лошадьми, но вскоре сменил легенду на благочестивого хаджи, возвращающегося из Мекки (так было безопаснее ехать по кишевшей разбойниками территории). Однако новая легенда создавала свои проблемы. Так, в одной деревне местный мулла-шиит вступил с британцем в богословский спор и ему удалось избежать разоблачения, прикинувшись суннитом. Из Герата Кристи проследовал в Восточный Иран, где мог чувствовать себя в безопасности.

Двадцатилетний лейтенант Поттинджер между тем проделал 900-мильное путешествие южнее, через Белуджистан. Он выбрал маршрут, по которому в следующие сто лет не рискнул проехать ни один европеец. Путь занял три месяца и лежал через две опасные пустыни. Поттинджер вёл подробный дневник, отмечая наличие колодцев, рек, характер растительности, осадков и климата, лучшие оборонительные позиции, союзы между местными ханами. Он составил первую военную карту западных подступов к Индии. Для этого лейтенант пользовался компасом, и однажды его спутники-белуджи заметили это. Он находчиво объяснил, что это прибор, указывающий ему направление на Мекку, чтобы знать, в какую сторону молиться.

Если ответственным за превращение России в пугало можно назвать одного конкретного человека, то это британский генерал сэр Роберт Уилсон. Во время вторжения Наполеона он был официальным британским наблюдателем при русской армии. По возвращении в Лондон Уилсон начал единоличную кампанию против русских, твердя о жестокости русского солдата и некомпетентности генералов. В 1817 г. генерал опубликовал книгу «Описание военной и политической мощи России». Автор утверждал, что русские, воодушевлённые своей победой над французами, планируют выполнить завещание Петра I и завоевать весь мир. Первой мишенью будет Стамбул, затем придёт черёд Индии. Уилсон снабдил книгу картой, на которой прошлые границы России были показаны зелёным цветом, а нынеш-

¹ Hopkirk P. The Great Game... P. 36.

ние — красным, чтобы продемонстрировать скорость расширения империи и исходящую от неё угрозу.

После унижительного для Ирана Гулистанского мирного договора с Россией 1813 г. некоторые члены военной миссии Малколма в Иране уже беспокоились относительно растущей мощи России на Востоке. Одним из них был капитан индийской армии Джон Макдоналд Киннейр, который собрал воедино данные географической разведки, собранные Кристи, Поттинджером и другими разведчиками. Его книга «Географический мемуар Персидской империи» (1813 г.) много лет оставалась главным источником сведений в этой области. Киннейр немало поездил по региону сам и в приложении ко второй работе, посвящённой его собственным путешествиям на Востоке, изложил свои взгляды на потенциальную русскую угрозу британским интересам в Азии. Если Кристи и Поттинджер были первыми игроками Большой Игры, а Уилсон — её первым лемистом, то Киннейра можно назвать её первым серьёзным аналитиком.

Киннейр указал, что морской агрессор Британской Индии больше не страшен, а вот с суши она уязвима. Захватчик мог воспользоваться двумя путями — непосредственно на восток через Ближний Восток или на юго-восток через Среднюю Азию (первый путь избрал бы захватчик из Европы, второй — Россия). Киннейр подробно разобрал географические, политические, логистические и прочие препятствия на пути возможной армии вторжения.

Первым русским участником Большой Игры стал 24-летний капитан Николай Муравьёв, которого в 1819 г. наместник на Кавказе генерал Ермолов отправил из Тифлиса в Хиву. Его целью было выяснить судьбу большого количества русских рабов. Казахи близ Оренбурга захватывали солдат и поселенцев, туркмены на побережье Каспийского моря захватывали рыбаков и их семьи; пленных продавали в рабство на рынки Средней Азии. Правда, Ермолов предупредил Муравьёва, что в случае его заточения или казни хивинцами русское правительство от него откажется, так как вызволить его будет невозможно, а царь не может позволить себе потерять лицо перед среднеазиатским князьком.

По прибытии к Хиве Муравьёва отвезли в небольшую крепость и велели ждать приёма у хана. Хан был не в восторге от приезда посланца могущественной державы и проклинал его туркменских спутников за то, что те не ограбили и не убили его далеко в пустыне, чтобы хану не пришлось иметь с ним дела. Если бы была возможность разделаться с Муравьёвым так, чтобы русские наверняка не узнали, кто виноват, хан не колебался бы — но вероятность того, что русские узнают, существовала. Поэтому спустя семь недель хан всё же дал Муравьёву аудиенцию и даже отправил с ним в обратный путь к Ермолову в Дербент своих посланцев.

Вернувшись на Кавказ, Муравьёв написал подробный отчёт о поездке, упомянув численность ханской армии, описав лучшие маршруты для вторжения, хозяйство, систему управления и методы казни. Капитан высказался за скорейшее завоевание Хивы, так как это освободило бы русских рабов и положило бы конец ханской тирании. К тому же, по его мысли, это позволило России покончить с монополией Британии на торговлю с Индией: всю азиатскую торговлю предполагалось переориентировать к Каспию по Волге в Россию, так как это был бы более короткий и дешёвый путь, чем вокруг мыса Доброй Надежды. Побочным результатом мыслился конец британской власти в Индии.

Грандиозному плану Муравьёва ходу не дали. Ермолов уже становился опальным, а у Александра было немало внутренних проблем. Тем не менее, собранные Муравьёвым сведения послужили России предлогом для последующей экспансии в Средней Азии.

Одним из тех, кто понимал это, был заведующий конными заводами Ост-Индской компании Уильям Муркрофт, который провёл несколько лет в поездках по крайнему северу Индии. Он предостерегал своё начальство в Калькутте, что русские намерены захватить весь Туркестан и Афганистан, поэтому надо вести себя активнее.

И в Британии и в Индии русофобы ещё находились в меньшинстве и не пользовались поддержкой властей. Однако в 1820 г. Муркрофт настоял на поездке в Бухару, где рассчитывал найти легендарных туркменских скакунов, а также открыть рынки Средней Азии для британских товаров, опередив русских. Достигнув Бухары, он неприятно удивился, обнаружив на рынках много русских товаров, а коней не нашёл. На обратном пути через Афганистан Муркрофт в 1825 г. умер. Географы оценили его вклад в изучение региона, а многие считают его основоположником изучения Гималаев.

Между тем шах Ирана вынашивал планы вернуть утраченные в пользу России территории, и в 1826–28 гг. произошла очередная русско-иранская война. Однако она была для Ирана неудачной и завершилась Туркманчайским договором. Несмотря на убийство посланника А.С. Грибоедова, Иран фактически стал протектором своего северного соседа, который получил право учреждать консульства по всей стране и купцы которого пользовались особыми привилегиями¹.

---

¹ Хопкирк преувеличивает степень влияния России в Иране в первой половине XIX в. — К.Ф.

2. Начало Большой Игры

В этих условиях одним из тех, кто был убеждён в реальности завещания Петра I, был британский полковник Джордж де Ласи Эванс. В 1828 г. он издал книгу «О замыслах России», в которой утверждал, будто Петербург планирует вскоре напасть на Индию. Сразу после русской победы над Османами в 1829 г. он выпустил другую книгу — «Об осуществимости вторжения в Британскую Индию». Эта книга была своевременна и хорошо встречена, особенно в правящих кругах. Цитируя (часто весьма избирательно) Поттинджера, Киннейра, Муравьёва, Муркрофта, Эванс пытался доказать вероятность русского натиска на Индию и сумел представить вторжение в Индию весьма лёгким предприятием, особенно для тех, кто не знал местных условий. Несмотря на недостатки, книга Эванса оказала глубокое влияние на политиков в Лондоне и Калькутте.

Одним из заметных участников Большой Игры был Артур Конолли, 23-летний лейтенант 6-го бенгальского туземного полка лёгкой кавалерии. Именно он впервые употребил термин «Большая Игра». Конолли верил в цивилизаторскую миссию христианства, причём даже русское правление (при условии, что оно будет далеко от границ Индии) предпочитал власти тиранов-мусульман, а стремление Петербурга освободить рабов в ханствах искренне поддерживал. Вместе с тем Конолли был разведчиком, и склонность к приключениям заставила его совершить дерзкое путешествие. Осенью 1829 г. он, возвращаясь по суше в Индию из отпуска, выехал из Москвы на Кавказ. Несмотря на ухудшающиеся отношения двух держав, русские офицеры в Тифлисе тепло встретили британца и даже снабдили казачьим эскортом до иранской границы. Конолли восхищался выносливостью русских солдат, которые спали на снегу без палаток, и был потрясён подвигом драгунского полка, который захватил вражескую крепость, галопом въехав в её ворота прежде, чем защитники успели их захлопнуть.

Конолли намеревался достичь Хивы через пустыню Каракум. Совершить путешествие в 4 тыс. миль от Москвы до Индии и остаться в живых уже было немалым достижением. Кроме того, пройдя по возможным маршрутам враждебной русской армии, Конолли смог ответить на многие вопросы, мучившие тех, кто отвечал за оборону Индии. Его наиболее важные военные и политические наблюдения пред-

назначались только для начальства. Однако Конолли написал и книгу для широкого читателя, вышедшую в 1834 г. В приложении автор проанализировал возможности русского вторжения в Индию, выделив два потенциальных маршрута. Один проходил через Хиву, Балх, Кабул и Хайберский проход; этот путь был богаче водными источниками, но длиннее и предполагал предварительно захват Хивы. Второй маршрут — через Герат, Кандагар, Кветту и Боланский проход; он предполагал предварительный захват русскими Герата.

В 1831 г. на судне вверх по Инду был отправлен 25-летний лейтенант Александр Бёрнс с дипломатической миссией к сикхскому правителю Панджаба Ранджит Сингху в Лахор. Он вёз правителю ответный подарок от британского короля Вильгельма IV — четырёх гигантских кобыл, жеребца и роскошную карету. Умный, находчивый, обаятельный, Бёрнс бегло говорил на фарси, хиндустани и по-арабски. Плавание по Инду заняло 5 месяцев, в течение которых Бёрнс картографировал реку (включая замеры глубин). Выяснилось, что Инд судоходен на 700 миль от устья, хотя лишь для плоскодонных судов. По результатам экспедиции было решено открыть Инд для британского судоходства. Генерал-губернатор лорд Бентинк отправил к амирам Синда (уже полковника) Генри Поттинджера заключить соответствующий договор.

Затем Бёрнс вызвался отправиться с более амбициозной миссией — в Кабул и Бухару, чтобы завязать связи с амиром Афганистана Дост Мухаммадом и эмиром Бухары¹. В 1832 г. Дост Мухаммад хорошо принял Бёрнса, засыпал его вопросами о праве, сборе налогов, наборе армий в европейских странах, о намерениях британцев относительно Афганистана. Бёрнс пришёл к выводу, что в интересах Британии — поддерживать амира Кабула. Проследовав в Бухару, он был принят *кушбеги* — здешним первым министром.

После отчёта Бентинку Бёрнс отправился в Лондон, где познакомил с ситуацией в Центральной Азии кабинет и короля. Он стал героем, получил золотую медаль Королевского географического общества и издал трёхтомное «Путешествие в Бухару». Описание его поездки впервые познакомило читателя с романтикой и тайнами Центральной Азии, став бестселлером. Для начальства Бёрнс составил четыре тайных отчёта — военный, политический, топографический и торговый. В военном отчёте он утверждал, что Кабул в руках русских представлял бы такую же опасность, как Герат, поскольку перевалы Гиндукуша для современной армии не помеха. В ноябре 1836 г. Бёрнса вновь отправили в Кабул.

В это время на Северном Кавказе британские агенты начали орудовать среди племён, снабжая их оружием и воодушевляя на сопротивление «неверным». Двумя главными очагами сопротивления были Адыгея и Дагестан. Лидеры повстанцев использовали к своей выгоде ландшафт и неожиданно нашли союзника в лице Дэйвида Уркварта, который в 1827 г. уехал в Грецию помочь ей избавиться от турок, но проникся к последним симпатией. В 1830-е гг. он стал главным русофобом в Британии. Контакты с адыгами Уркварт установил в 1834 г., живя в Стамбуле. Он нанёс тайный визит в их горные твердыни, помогая повстанцам советами, даже написал для них декларацию независимости.

¹ *Амир* как титул мусульманского правителя — арабское слово, которое в таком виде перешло в языки фарси, дари, пушту, хиндустани. *Эмир* — тюркизированный вариант этого слова, поэтому здесь употребляю его только, когда речь идёт о правителе Бухары. — К.Ф.

В 1836 г. Уркварт приехал в Стамбул в качестве первого секретаря британского посольства и по собственной инициативе устроил провокацию со шхунной «Vixen». Он убедил британскую судоходную компанию отправить судно из Стамбула с грузом соли в порт Суджук-Кале на черноморском побережье Кавказа. Уркварт считал, что не проиграет в любом случае: если русские перехватят шхуну, это взбудоражит британскую общественность и заставит правительство прислать в Чёрное море военный флот; если русские не перехватят шхуну, значит, можно успешно давить на них и начать поставлять адыгам оружие. Русский бриг арестовал «Vixen», но даже известный своими антироссийскими настроениями министр иностранных дел Пальмерстон не решился раздувать из этого скандал. К ярости русофобов он рассудил, что Суджук-Кале — российская территория, отозвал Уркварта в Лондон и уволил со службы. Тот развернул против министра кампанию в прессе, утверждая, что он обрабатывает русское золото, а вскоре Уркварту удалось-таки организовать адыгам контрабанду оружия. Он сделался членом парламента и немало сделал для разжигания русофобии в Британии. Благодаря Уркварту и его единомышленникам Кавказ стал одним из театров Большой Игры.

В правящих кругах Британии были и такие люди, как посол в Петербурге лорд Дарэм¹, который был убеждён, что Николай не в силах предпринимать экспансионистские действия. Однако послы в Стамбуле и Тегеране лорд Понсонби и сэръ Джон Макнилл разделяли опасения Уркварта. Макнилл до этого служил в Иране под началом Киннейра; в России его не без оснований подозревали в натравливании толпы на посольство Грибоедова в 1829 г. Макнилл тоже издал книгу — «Продвижение и настоящее положение России на Востоке» (1836 г.), в которой описал её территориальные приобретения со времени Петра Великого, приложив складную карту и таблицу. Они демонстрировали тревожные темпы русской экспансии за последние полтора века: со времени вступления на престол Петра численность царских подданных выросла с 15 млн. до 58 млн. человек; границы России приблизились к Стамбулу на 500 миль, а к Тегерану — на 1000². Макнилл предостерег, что следующими мишенями России будут Османская и Персидская империи, которые не в силах противостоять ей.

В 1834 г. Ранджит Сингх отвоевал у афганского амира Дост Мухаммада богатую провинцию с центром в Пешаваре. Амир обратился за помощью к британцам, но, не найдя поддержки, обратился к русским. Николай I отправил в Кабул лейтенанта Яна Виткевича, задачей которого было выяснить, что может предложить Дост. В январе 1838 г. генерал-губернатор Ост-Индской Компании лорд Окленд лично написал Дост Мухаммаду, окончательно разрушив его надежды на британскую помощь в возвращении Пешавара и посоветовав помириться с сикхами. Кроме того Окленд предупредил Доста — не иметь никаких дел с русскими, иначе Британия не будет считать себя обязанной сдерживать экспансионизм Ранджит Сингха.

¹ Известная фигура в истории Британской империи. В 1838–39 гг. служил генерал-губернатором Британской Северной Америки (Канады) и в 1839 г. представил правительству ставший знаменитым Отчёт Дарэма (*Durham Report*), в котором рекомендовал предоставить переселенческим колониям самоуправление (*responsible government*). С Отчёта Дарэма ведут историю (Британского) Содружества наций. — К.Ф.

² Hopkirk P. The Great Game... P. 163.

Письмо Окленда вызвало в Кабуле ярость. В апреле 1838 г. амир тепло принял Виткевича в столичной крепости Бала Хисар, а британскому агенту Бёрнсу пришлось покинуть Кабул, выразив амиру личное сожаление относительно политики своего правительства.

Между тем в 1837 г. войска иранского шаха осадили Герат, а за походом стоял русский посол граф Симонич. Шах лично руководил осадой, но город не сдавался. В Герате в это время оказался британский разведчик — лейтенант Элдред Поттинджер (племянник полковника Генри Поттинджера), который прибыл под видом мусульманского святого человека. Формально в Герате правил Камран-шах, в молодости он был великим воином, но со временем пристрастился к вину, и реальная власть перешла к его визирю Яр Мухаммаду. Угроза над Гератом нависла серьёзная: говорили, что на службе шаха — русский генерал и часть, укомплектованная из бежавших в Иран русских дезертиров. Поттинджер явился к Яр Мухаммаду, назвался и стал советовать, как лучше вести оборону.

«Встревоженное триумфом Виткевича в Кабуле и опасаясь такой же победы русских в Герате, британское правительство наконец решило действовать. Отправку подкрепления через Афганистан к осаждённому городу исключили как слишком опасную и медленную. Вместо этого решили отправить военные силы в Персидский залив. Заставить шаха ослабить хватку на Герате рассчитывали угрозой противоположному концу его владений в то время, когда его руки были полностью связаны на востоке. В то же время Пальмерстон оказал давление на русского министра иностранных дел Нессельроде, чтобы тот прекратил деятельность Симонича, никак не соответствующую его статусу. Оба шага принесли быстрые и удовлетворительные результаты»¹. Британский десант высадился на острове Харг у иранского побережья, а Макнилл предупредил шаха о серьёзных последствиях в случае продолжения осады. Шах уступил и ушёл из-под города. Пальмерстон также потребовал отозвать Симонича и Виткевича. Николай предпочёл уступить. Симонича сделали козлом отпущения, обвинив в превышении полномочий. Виткевич весной 1839 г. тоже вернулся в Петербург, но что там произошло, остаётся загадкой. По версии русских источников, Нессельроде тепло принял его и поздравил с успехом. По версии британской разведки, министр, напротив, отказался принять его. Однако две версии сходятся в одном: вернувшись от министра в гостиницу, Виткевич сжёг свои бумаги и застрелился.

Одержав такую победу, британцам самое время было остановиться. Однако с того момента, как Дост Мухаммад отверг ультиматум Окленда, в Лондоне и Калькутте его считали союзником России. Вопреки мнению Бёрнса и Макнилла было решено согнать его с трона и заменить кем-то посговорчивее. Британию и Индию охватила антирусская истерия. Газета «The Times» в 1838 г. писала: «От границ Венгрии до сердца Бирмы и Непала... русский дьявол преследует весь людской род и причиняет ему горе, усердно осуществляя свои злобные планы... к досаде этой трудолюбивой и по сути мирной империи (Британской. — К.Ф.)»².

«Армия Инда», как она официально называлась, насчитывала 15 тыс. британских и индийских солдат под командованием генерала сэра Джона Кина. За ней сле-

¹ Ibid. P. 183–184.

² Ibid. P. 192.

довали 30 тыс. обозников — носильщики, конюхи, прачки, повара. Армию сопровождало небольшое войско самого Шаха Шуджи, правда, большинство его воинов были не афганцами, а индийцами.

Начало вторжения прошло гладко, и в апреле 1839 г. Шуджа без единого выстрела въехал в Кандагар. Вскоре британцы штурмом взяли мощную крепость города Газни на пути к Кабулу, что деморализовало войско Дост Мухаммада. В июле 1839 г. Кин подошёл к Кабулу и узнал, что амир бежал. Столица сдалась, и Шах Шуджа вступил в неё на белом коне. Основная часть британской армии вернулась в Индию, но в Кабуле, Газни, Кандагаре, Джалалабаде и Кветте остались англо-индийские гарнизоны. Британцы устраивались в Афганистане надолго: были организованы скачки, к некоторым офицерам из Индии приехали семьи.

Посланник Ост-Индской Компании при Шахе Шудже Уильям Макнатен ликовал, но уже в августе 1839 г. пришли две плохие новости: бухарский эмир арестовал отправленного к нему полковника Чарлза Стоддарта и бросил в яму, а из Оренбурга на Хиву идёт крупный русский отряд.

Поскольку Британия так агрессивно вела себя в Афганистане, Россия едва ли нашла бы лучший момент для собственного первого броска в Центральную Азию — тем более что благовидный предлог имелся. Официальной целью экспедиции военного губернатора Оренбурга графа В.А. Перовского было освободить русских и прочих рабов в Хивинском ханстве, наказать туркменских работорговцев и разбойников, грабивших караваны с русскими товарами, и заменить хана более сговорчивым кандидатом (как раз этим занимались в Афганистане британцы). К попытке захватить Хиву Россию подтолкнули ложные сведения, будто в ханство с предложением военной помощи уже прибыла британская миссия из 25 человек.

Перовский собрал более 5 тыс. пехотинцев и кавалеристов с артиллерией и в ноябре 1839 г. выступил. Однако зима выдалась самая морозная на памяти местных степняков, и к концу января умерли более 200 человек. 1 февраля 1840 г. Перовский повернул обратно. В Оренбург экспедиция вернулась в мае, потеряв более тысячи людей и более 9 тыс. из 10 тыс. верблюдов¹.

В Бухару вызволять Стоддарта прибыл капитан Конолли. Его мечтой было объединить под британским покровительством три постоянно ссорившихся туркестанских ханства — Хиву, Бухару и Коканд, что, по его мнению, создало бы для Индии щит от России. Сначала Конолли побывал в Хиве, но здешний хан не хотел союзов ни с Бухарой, ни с Кокандом. В последнем случилось то же. Наконец Конолли приехал в Бухару. Однако эмир Насрулла был всё более и более недоволен отсутствием письма на дружественное послание, которое он за несколько месяцев до этого отправил королеве Виктории. Он расценил это либо как намеренное унижение, либо как свидетельство того, что Стоддарт и Конолли — самозванцы, а значит, шпионы. Судьбу двух офицеров решили вести из Кабула о катастрофе, постигшей британцев в Афганистане.

Причин растущего антагонизма по отношению к британцам и Шаху Шудже было много. Присутствие большого числа войск ударило по карману простых афганцев: из-за возросшего спроса на пищевые продукты и другие товары на базарах

¹ Ibid. P. 205–209.

взлетели цены. Шуджа повысил налоги. Британцы, несмотря на прежние заверения, не демонстрировали намерения уйти. Иные офицеры уводили у афганцев жён.

Вечером 1 ноября 1841 г. помощник Бёрнса кашмирец Мохан Лал предупредил его, что ночью будет совершено покушение на его жизнь. Бёрнс и несколько офицеров жили не в англо-индийском кантонменте (военном лагере) за городом, а в особняке в сердце старого города. Бёрнс не внял предостережениям, тем более что гарнизон находился менее чем в 2 милях. У дома собралась толпа, которая напала на особняк и перебила всех, кто там находился. Англо-сипайский лагерь под Кабулом оказался в осаде.

Афганцы перебили небольшие британские отряды вне Кабула. Зима началась рано, и стало не хватать пищи, воды и лекарств. Однажды британцы сделали вылазку, чтобы захватить близлежащую деревню, занятую афганцами, но англо-индийские солдаты в красных мундирах были лёгкими мишенями для афганцев с их длинноствольными *джазаилами* (британские ружья уступали им в дальноточности). Британцы в беспорядке бежали обратно в кантонмент, потеряв 300 человек.

Во главе повстанцев встал сын Дост Мухаммада Акбар-хан, а силы афганцев, осаждающих лагерь, выросли до 30 тыс. человек¹. Макнатен начал переговоры с Акбаром о сделке: гарнизон уходит в Индию, а оттуда отпускают Дост Мухаммада. Однако его сгубило собственное интриганство. Макнатен решил перехитрить афганских вождей, играя на страхе некоторых из них перед Дост Мухаммадом. В декабре 1841 г. Акбар предложил Макнатену новые условия: Шах Шуджа остаётся на троне, сам он становится его визирем, британцы остаются в Афганистане до весны и уходят будто по собственному желанию; человек, ответственный за убийство Бёрнса, выдаётся британцам; Акбар получает 300 тыс. ф.ст. и ежегодную субсидию в 40 тыс. плюс британскую военную помощь против некоторых племенных вождей — своих врагов. На самом деле со стороны Акбара то была провокация. Узнав о двуличии Макнатена, он хотел показать другим вождям готовность британца заключить тайную сделку за их спинами. 23 декабря Макнатен выехал на встречу с Акбаром. Тот спросил Макнатена, принимает ли он предложенные условия. «Почему бы нет?» — отвечал тот. По приказу Акбара его убили.

Даже после этого у британцев были силы разгромить афганцев. Политический офицер Э. Поттинджер пытался убедить нерешительного командующего гарнизоном генерала У. Элфинстона ударить по Акбару и его союзникам, которые далеко не были единой армией. Однако старшие офицеры окончательно потеряли волю к победе и хотели быстрее вернуться домой. Элфинстон принял все условия Акбар-хана. 1 января 1842 г. с последним было подписано соглашение: Акбар гарантировал безопасность уходящих из Кабула британцев, обещал им вооружённый эскорт для защиты от враждебных племён; британцы оставляли почти все пушки. Утром 6 января Армия Инда, бросив Шаха Шуджу в Бала Хисаре на произвол судьбы, выступила из Кабула на восток в Джалалабад, где стоял ближайший британский гарнизон. Колонна насчитывала 16 тыс. человек².

Через неделю часовой на стенах крепости в Джалалабаде заметил на равнине раненого всадника, цеплявшегося за шею коня. Эта сцена изображена на одной

¹ Ibid. P. 250.

² Ibid. P. 261.

из самых известных картин викторианской эпохи — «Остатки армии» леди Батлер. Всадником был доктор Уильям Брайдон, который рассказал, что на всём пути из Кабула афганцы обстреливали колонну с гор. Колонна потеряла строгий порядок, военные и гражданские перемешались. Немало индийцев, не привыкших к холодам и не имевших тёплой одежды, замёрзли до смерти. Даже если бы Акбар хотел защитить отступающих, он не смог бы этого сделать, так как не контролировал племена, через земли которых шла колонна.

Правда, позднее оказалось, что Брайдон спасся не один. Британцы вскоре выпустили Дост Мухаммада обратно в Афганистан, после чего в Индию вернулись взятые Акбаром заложники-британцы. В течение следующих месяцев на родину вернулось какое-то количество сипаев и других индийцев, которым удалось спрятаться в пещерах.

Весть об уничтожении кабульского гарнизона состарила лорда Окленда на 10 лет: лишь за несколько недель до этого Макнатен в письме заверял его, что всё под контролем. Вскоре его сменил лорд Элленборо, который принял энергичные меры. В марте 1842 г. генерал-майор Дж. Поллок захватил Хайберский проход. Генерал сэр Уильям Нотт разбил афганцев, угрожавших гарнизону в Кандагаре. Между тем в Кабуле Шаха Шуджу выманили из Бала Хисара на переговоры и застрелили. Однако в сентябре 1842 г. Поллок ворвался в Кабул и в знак мести взорвал знаменитый крытый базар, где за 9 месяцев до этого висел расчленённый труп Макнатена. Англо-индийские войска разграбили и пожгли город, после чего покинули Афганистан.

«Честь Британии номинально была спасена, поэтому она была готова оставить афганскую политику афганцам — по крайней мере, пока. Первая афганская война, как называют её современные историки, наконец закончилась. Британцы получили жестокую взбучку, несмотря на все претензии лорда Элленборо, будто она завершилась триумфом, — включая эффектное празднование победы. Никакое количество розданных медалей, триумфальных арок, полковых балов и других мероприятий не могло скрыть финальной иронии»¹.

Между тем бухарский эмир Насрулла, больше не опасавшийся возмездия, велел бросить британских офицеров Стоддарта и Конолли обратно в тюрьму, а через несколько дней их обезглавили. Британский кабинет предпочёл не реагировать, чтобы не терять лицо.

В англо-русских отношениях последовало десятилетие разрядки напряжённости. В 1844 г. Николай посетил Британию. Стороны согласились сохранять Османскую империю, так как её распад был невыгоден. Разрядка длилась недолго — в 1853 г. вспыхнула Крымская война, проигранная Россией.

После войны британцы надеялись преградить экспансию России не только на Ближний Восток, но и в Среднюю Азию. Однако эффект оказался противоположным. В 1858 г. Александр II отправил графа Николая Игнатъева с миссией в Среднюю Азию. Игнатъев должен был выяснить степень политического и торгового проникновения в этот регион Британии, установить регулярные торговые связи с Хивой и Бухарой и собрать максимум сведений об обороноспособности ханств и

¹ Ibid. P. 277.

судоходности Амударьи. Хивинский хан принял подарки, но категорически отказался пропускать русские суда по Амударье в Бухару. Проехав туда по суше, Игнатьев добился большего, так как Насрулла воевал со своим восточным соседом ханом Коканда.

Назначенный в награду директором Азиатского департамента МИД, Игнатьев стал одним из «ястребов» в правящих кругах России. Другими были военный министр граф Дмитрий Милютин, генерал-губернатор Восточной Сибири граф Николай Муравьев и наместник Кавказа князь Александр Барятинский. Им противостояли «голуби», стоявшие против курса продвижения в Средней Азии: министр финансов Михаил Рейтерн и министр иностранных дел князь Александр Горчаков. «Ястребы» победили.

В 1864 г. русские заняли несколько небольших городов на севере Коканда. Хан отправил посланца в Индию просить военной помощи. Однако после краха в Кабуле и казни Стоддарта и Конолли британцы стали руководствоваться в Центральной Азии доктриной, вошедшей в историю как «искусное бездействие». Пограничная деятельность, включая картографирование и строительство стратегических дорог, ограничивалась сопредельными с Индией районами — в надежде, что русские проявят такую же сдержанность.

Однако в 1865 г. генерал-майор Михаил Черняев без приказа из Петербурга, но зная, что победителей не судят, отбил у Кокандского ханства Ташкент. После победы он постарался заручиться поддержкой населения: заверил, что позволит старейшинам управлять городскими делами как прежде и не станет вмешиваться в религиозную жизнь; зная недовольство населения высокими налогами в пользу хана, провёл популярную меру — на год освободил население от налогов. Великодушие Черняева привлекло к русским многих из тех, кто прежде смотрел на них враждебно. Как он и ожидал, в Петербурге простили неповиновение и щедро наградили победителей. Лондон, конечно, протестовал, но всерьёз не ожидал, что Россия покинет Ташкент. Было образовано Туркестанское генерал-губернаторство. Первым генерал-губернатором был назначен ветеран Кавказской войны генерал Константин Кауфман — блестящий военный, получивший от Александра чрезвычайные полномочия. Он стал главным архитектором Российской империи в Средней Азии.

К смятению «ястребов» в Лондоне и Калькутте реакция британского правительства, прессы и общества на всё это была удивительно сдержанной. Русофобы так часто кричали «Волки, волки!», что не могли больше ждать поддержки. В 1865 г. ветеран Большой Игры, член парламента от консерваторов сэр Генри Роулинсон в статье в журнале «Quarterly Review» проанализировал положение Британии и России в Азии, указав, что со времён Уилсона и Макнилла оно кардинально изменилось. Причины британской апатии он объяснял памятью об афганской катастрофе и распространённым убеждением, что помешать аннексии Россией среднеазиатских ханств всё равно невозможно.

Роулинсону и другим «ястребам» противостоял кабинет вигов во главе с лордом Расселлом, которого поддерживал вице-король Индии сэр Джон Лоуренс. Последний считал, что Афганистана на пути возможной русской армии достаточно: она потерпит там такое же поражение от племён, как британцы в 1842 г. Между тем с приездом в Туркестан Кауфмана дни независимых ханств были сочтены.

Несмотря на заверения Горчакова, их включение в Российскую империю было главной целью генерал-губернатора. В России опасались, что британцы монополизируют торговлю региона. Русские купцы и фабриканты давно положили глаз на рынки и ресурсы Средней Азии. Был и вопрос имперской гордости: блокированная в Европе и на Ближнем Востоке, Россия была намерена продемонстрировать воинскую доблесть завоеваниями в Азии (почти повсеместно тем же занимались другие европейские державы). Наконец свою роль играл и стратегический фактор: как Балтика в случае конфликта с Британией была Ахиллесовой пятой России, так Индия была Ахиллесовой пятой Британии. Базы в Средней Азии резко усиливали делочную позицию России.

Недосягаемым за своими пустынями оставался лишь хан Хивы. Чтобы включить Хиву в новую империю России в Средней Азии, сначала требовалось улучшить пути сообщения в регионе. Начало этому положили в 1869 г., когда небольшой русский отряд высадился на восточном берегу Каспия и основал крепость в Красноводске. До этого времени Лондон ограничивался протестами в отношении поступательного движения России в Средней Азии. «Экспансионистская школа» (*Forward school*), главным оратором которой был Роулинсон, требовала от правительства отказаться от политики «искусного бездействия». Роулинсон даже предложил сделать Афганистан квазипротекторатом, чтобы не пускать туда Россию. Вскоре начались переговоры министров иностранных дел лорда Кларендона и князя Горчакова о разграничении сфер влияния в Азии. Однако они сильно затянулись из-за разногласий по вопросу о точной северной границе Афганистана. К этому времени британцы принялись запускать в Центральную Азию с целью картографирования разведчиков-индийцев — *пандитов*.

3. Деятельность пандитов

«Идея использовать для тайного картографирования неподвластных никому районов за границами Индии туземных исследователей возникла в результате строгого запрета вице-королём ездить туда британским офицерам. Из-за этого Топографическая служба Индии... оказалась в весьма затруднительном положении, когда пришло время составлять карты Северного Афганистана, Туркестана и Тибета. Тогда работавший в этой службе молодой офицер, капитан Томас Монтгомери из службы королевских инженеров выдвинул блестящее предложение. Почему бы, спросил он своё начальство, не отправлять в эти запретные районы исследователей-туземцев, обученных тайным приемам картографирования? Разоблачить их было намного труднее, чем европейца, как бы хорошо тот ни маскировался. Если бы всё же они были достаточно неудачливы и подверглись разоблачению, для властей это представляло бы менее серьёзную политическую проблему, чем если бы за руку схватили британского офицера, составляющего карты в этих весьма секретных и опасных местах»¹. Смелый план Монтгомери был одобрен, и в учреждении Топографической службы Индии в Дехрадуне в предгорьях Гималаев он стал обучать индийских разведчиков.

Первым агентом Монтгомери стал Мухаммад-и-Хамид, молодой писарь-мусульманин, уже обученный простым методам картографирования. Летом 1863 г. он отправился из Ладакха через перевалы Каракорума в Яркенд. Специально для него были изготовлены тригонометрические инструменты минимального размера. Мухаммад благополучно достиг Яркенда и прожил там полгода, тайно составляя карты и собирая информацию о возможной деятельности русских в регионе. Предупреждённый другом, что им заинтересовались цинские чиновники, он спешно отправился в обратный путь, но умер на перевалах, не вынеся трудностей пути. Однако записи Мухаммада были доставлены Монтгомери.

Эксперимент оказался успешен, и было решено заслать агентов в Тибет. С помощью майора Этуалла Смита были завербованы два говоривших по-тибетски горца — 30-летний Наин Сингх и его двоюродный брат Мани Сингх. Их доставили в Дехрадун, где два года обучали приемам картографирования и разведки. Тайные

¹ Ibid. P. 329–330.

агенты-индийцы стали называться пандитами, как называют в Индии учёных брахманов. Действовали они под кодовыми именами. Наин Сингх именовался «Номер 1», или «Главный пандит», Мани — «Пандит номер 2», или «ГМ».

Монтгомери и его начальник полковник Джеймс Уокер отправили их в Лхасу с заданием установить её местоположение и высоту, караванный путь из Лхасы к Гартоку и траекторию р. Цангпо, а также собрать информацию политического рода. Два пандита отправились в путь в январе 1865 г. Проникнуть в Тибет сходу им не удалось, но в марте Наин Сингху посчастливилось перейти границу из Непала, выдавая себя за ладакхца. Демонстрируя решительность, находчивость и коммуникабельность, он был желанным гостем любого каравана, к которому присоединялся. Сначала Наин Сингх шёл с непальским караваном, но когда тот отвернул на запад, горец, прикинувшись больным, отстал и пристал к другому, — шедшему из Ладакха в Лхасу. В какой-то момент купцы погрузили товары на лодки и отправились по Цангпо, но Наин Сингх для выполнения задания до Шигацзе продолжал путь пешком. Через год после отправки из Дехрадуна Наин Сингх добрался до Лхасы, посчитав каждый шаг пути и осуществив бесчисленное количество замеров с помощью компаса и т.д. В святом буддийском городе он прожил три месяца, подрабатывая тем, что обучал торговцев-непальцев индуистским методам ведения счетов. Для установления местоположения и высоты тибетской столицы Наин произвёл около 20 солнечных и звёздных наблюдений, придя к выводу, что Лхаса расположена на 29 градусах и 39 минутах северной широты (ошибся менее чем на 2 минуты). Установленная Наином высота равнялась 3566 м над уровнем моря (сегодня её дают как 3650 м)¹. Наин Сингх собрал немало сведений о городе и его окрестностях, климате, хозяйстве, водоснабжении, управлении, религиозных обычаях.

В апреле 1866 г. Наин Сингх отправился с тем же ладакхским караваном в обратный путь. Путь занял более двух месяцев и проходил по торговой дороге Дзонглам. (Передвигаться в одиночку по кишашим разбойниками районам было опасно.) В июне Наин повернул на юг и, путешествуя теперь в одиночку, был захвачен бандитами, но сумел бежать. За своё путешествие он прошёл 1200 миль и посчитал с помощью чётков 2,5 млн. шагов². Наблюдения Наин Сингха показали, что существующие карты Тибета в корне ошибочны. Одна из таких карт была создана в 1717 г. и опубликована в Париже в знаменитом атласе д³ Анвилля (1735 г.).

В 1867 г. Монтгомери отправил сразу трёх пандитов — Наин Сингха, Мани Сингха и Калиана — с тайной миссией изучить легендарные тибетские золотые прииски в Тхок Дзалунге. Продвинувшись вглубь Тибета, пандитам пришлось оставить Мани Сингха заложником в лагере кочевников, вождь которых усомнился в их легенде торговцев. Наин Сингх отправил Калиана исследовать верховья Инда, а сам взял курс на Тхок Дзалунг. Прииск оказался богатым, Наин Сингх видел самородок массой не менее 0,9 кг³. Вернулись пандиты в Индию тоже порознь, чтобы

¹ Рассчитано по: Hopkirk P. *Trespassers on the Roof of the World: The Race for Lhasa*. L.: John Murray, 1982. P. 32. Для удобства читателя я перевёл футы в метры. — К.Ф.

² Ibid. P. 35.

³ Рассчитано по: Ibid. P. 40. Фунты переведены в килограммы. — К.Ф.

изучить как можно больше местности. Всего они прошли 850 миль, что позволило Монтгомери и его картографам заполнить многие белые пятна на картах.

Успех тайных исследований заставил Монтгомери начать вербовать и обучать других пандитов из числа грамотных горцев. Однако в 1868 г. Уокер отправил подробный отчёт о первом путешествии Наин Сингха в Королевское географическое общество для публикации. В следующем выпуске журнала тайна пандитов, включая их молитвенные колёса, чётки и т.д., была раскрыта всем. Учитывая изобретательность и терпение, проявленные в связи с подготовкой экспедиций, понять это трудно. Нелогичный поступок можно объяснить рядом причин. Имена пандитов не раскрывались, их было почти невозможно разоблачить среди сотен, если не тысяч паломников и торговцев, которые каждый месяц проходили через гималайские перевалы. «Журнал Королевского географического общества» не продавался публично, а рассылался только членам общества. Правда, членство было международным и журнал жадно читали русские военные и географы. Однако не в их интересах было предупреждать тибетцев или китайцев о тайных действиях британцев, поскольку проникнуть в Тибет пытались и русские. Китайцы, похоже, о деятельности пандитов так и не узнали.

В 1870-е гг. количество пандитов выросло почти до дюжины. Монтгомери в 1878 г. умер, успев обеспечить Наин Сингху золотую медаль Королевского географического общества. В том же году в Тибет отправился пандит Кишен Сингх. Его целью был неизвестный северо-восточный угол Тибета вокруг озера Кукунонр. Кишен был вынужден целый год пробыть в Лхасе в ожидании каравана в ту сторону; в пути караван подвергся нападению разбойников, пандит потерял вьючных животных и большинство купленных в Лхасе товаров. Дважды ему пришлось наниматься пастухом. Добраться он смог до оазиса Дуньхуан, где китайские власти заподозрили его и его слугу в шпионаже, но знакомый тибетский лама вызволил их. Вернулись путешественники через Восточный Тибет. Кишен Сингх достиг Дарджилинга, потратив на путешествие 4,5 года и проделав 2800 миль, т.е. сосчитав с помощью чётков 5,5 млн. шагов¹.

По верности долгу ничто не может затмить историю пандита Кинтупа, которого послал в Тибет капитан Дж. Хармэн из Топографической службы Индии выяснить, являются ли Цангпо и Брахмапутра одной рекой. Задачей пандита было бросить в реку меченые брёвна. Однако в спутники пандиту Хармэн неосмотрительно выбрал некоего китайского ламу, который в какой-то момент продал его в рабство и скрылся. Кинтуп работал на нового хозяина несколько месяцев, бежал, был настигнут преследователями и просил заступничества у настоятеля монастыря. Тот выкупил его, за что Кинтуп отработал в монастыре. Затем пандит выполнил поручение с брёвнами, хотя его записка с предупреждением не достигла Топографической службы, и 500 брёвен уплыли в Индийский океан незамеченными. Тем не менее загадка Цангпо была к этому времени уже решена.

«Что стало бы с этими выдающимися героями, если бы они были не простыми индийскими горцами, а англичанами? Этот вопрос поставил и ответ на него дал ещё в 1891 г. замечательный американский учёный и путешественник. Уильям

¹ Ibid. P. 48.

Рокхилл, которому самому предстояло совершить два наполненных приключениями нелегальных путешествия по Тибету, в своей книге «Страна лам» писал: «Если бы любой британский исследователь совершил треть того, чего достигли Наин Сингх... или Кишен Сингх [он перечисляет других], на него посыпались бы медали и награды, доходные должности и продвижение по службе, возможность жить в любом городе и всяческое возвеличивание. Что касается тех туземных исследователей, всё чего они могли ожидать, — это небольшое денежное вознаграждение и безвестность...».

Что же тогда заставляло таких людей как Наин Сингх, Кишен Сингх и Кинтуп, совершать столь замечательные подвиги и так серьёзно рисковать ради своих британских хозяев? Было ли это просто воодушевляющее лидерство таких офицеров, как Монтгомери и Уокер? Может, это было чувство принадлежности к некоей элите, которое порождало *esprit de corps*¹ в этих горцах, каждый из которых знал, что он тщательно отобран? Едва ли мы когда-нибудь узнаем истину, так как все, связанные с пандитами, давно умерли»².

Тибет был не единственной страной, куда британцы отправляли пандитов. Те совершали путешествия на Каракорум, Памир, в Афганистан, Среднюю Азию, а также в Кашгарию (Мухаммад-и-Хамид, Мирза), где мусульманское население в 1860-е гг. восстало против Цинской империи и власть захватил авантюрист Якуб-бег. Скоро его княжество простёрлось далеко на восток, включив Урумчи, Турфан и Хами. Якуб-бег стал заигрывать и с Россией, и с Британией, рассчитывая укрепить своё положение по отношению к Китаю. Однако в 1877 г. он умер, и Цины вернули Кашгарию.

¹ Сословный дух (фр.). — К.Ф.

² Ibid. P. 52.

4. Обострение Большой Игры в 1870–80-е годы

В январе 1873 г. русские неожиданно уступили британцам, признав, что горные районы Бадахшан и Вахан в верховьях Амударьи входят во владения афганского амира, а сам Афганистан лежит в британской сфере влияния. Эта уступка была ширмой для дальнейшей экспансии в Средней Азии. Через месяц Государственный совет России принял решение отправить масштабную экспедицию против Хивы.

В отличие от 1717 и 1839 гг. русские подготовились основательно, отправив отряды через пустыню одновременно из Ташкента, Оренбурга и Красноводска. В мае 1873 г. хан бежал из столицы, Кауфман вступил в неё, и чуть позднее хан подписал договор о протекторате. Русские получили контроль над судоходством в низовьях Амударьи и полное преобладание на восточном берегу Каспия. С занятием Хивы войска Кауфмана оказались в 500 милях от Герата — стратегических ворот Индии. Мрачные предсказания Уилсона, Муркрофта, Эванса и Киннейра начали сбываться. Британцы чувствовали себя вновь обманутыми, тогда как русские в который раз настаивали, что действовать их принудили военная необходимость и изменившиеся обстоятельства. В 1875 г. в Кокандском ханстве вспыхнуло восстание против русских и зависимого от них хана. Войска Кауфмана разбили повстанцев, заняли Андижан и Ош, а ханство было ликвидировано, став Ферганской областью.

Для тех, кто отвечал за оборону Индии, всё это было тревожным симптомом. С аннексией Коканда войска Кауфмана оказались в 200 милях от Кашгара. Захват Кашгара и Яркенда принёс бы России контроль над перевалами в Ладакх и Кашмир. Тогда русское кольцо вокруг северных границ Индии сжалось бы окончательно, и русские могли бы ударить на юг почти из любой точки. Путь им пока преграждали только Памир и Каракорум.

В 1874 г. к власти в Британии вернулись тори во главе с Бенджамином Дизраэли. Он верил в имперское предназначение Британии и стоял за энергичную внешнюю политику. Вице-королём Индии новый премьер-министр назначил лорда Литтона. Тот активизировал пограничную политику и заставил хана Келата в Белуджистане сдать британцам в постоянную аренду Боланский проход и Кветту.

Обеспокоенность амбициями России выросла благодаря изданию книги Роулинсона «Англия и Россия на Востоке» (1875 г.). Автор мало добавил к тому, что уже сказали другие авторы, но эта книга (как и прежде с литературой Большой Игры) вышла вовремя и оказала влияние на правительство. В следующем году в Калькутте вышел английский перевод русского классика Большой Игры полковника М.А. Терентьева «Россия и Англия в борьбе за рынки». Автор обвинял британцев в тайном распределении ружей среди туркменских племён и утверждал, что индийское восстание 1857–59 гг. провалилось лишь потому, что у повстанцев не было плана и помощи извне — но теперь они ждут «хирурга с севера». В случае новой англо-русской войны Терентьев призывал воспользоваться близостью Индии к Средней Азии.

Между тем в отношениях Британии и России вновь наступило ухудшение. В 1875 г. на Балканах вспыхнуло восстание против османского владычества, турки вырезали 12 тыс. болгар, русская армия вновь перевалила через Балканы. Королева Виктория призвала Дизраэли действовать, и тот прислал в Дарданеллы эскадру.

Предусмотрев возможность войны, генерал-губернатор Туркестана Кауфман собрал 30-тысячную армию — крупнейшую, которую когда-либо собирала Россия в Средней Азии. Одновременно он отправил генерал-майора Николая Столетова с миссией в Кабул — в случае войны заручиться сотрудничеством афганцев.

Вице-король Литтон был взбешён появлением в Кабуле русской миссии и направил в Афганистан свою миссию, но афганцы не пустили её в Хайберский проход. В Лондоне решили предъявить Шер Али-хану ультиматум: если он до заката 20 ноября не извинится, начнутся военные действия. Когда ответа не последовало, в Афганистан вошли три колонны британских войск (письмо амира не успело дойти, хотя в нём он согласился принять британскую миссию). Литтон был полон решимости преподать Афганистану урок и показать Петербургу, что Британия не терпит в этой стране конкурентов.

Шер Али обратился к Кауфману за военной помощью, но тот отговорился зимними условиями и советовал помириться с британцами. Амир в отчаянии решил ехать в Петербург просить самого царя и другие европейские державы, но в Русский Туркестан его не пустили. Сломленный духом и с подорванным здоровьем, Шер Али в феврале 1879 г. умер в Балхе. Его сын Якуб-хан предпочёл договориться с захватчиками. В мае он к неудовольствию большинства подданных подписал с британцами Гандамакский договор. По этому договору в Кабуле учреждалась постоянная британская миссия — первая со времени убийства Бёрнса и Макнатена в 1841 г. Её возглавлял сэр Луи Каваньяри. Афганистан позволял Британии контролировать свою внешнюю политику и уступил ей ряд сопредельных с Индией территорий, включая Хайберский проход. За это амир получил гарантию защиты от России и Ирана, а также ежегодную субсидию в 60 тыс. ф. ст.¹ В Лондоне и Калькутте многие поздравляли себя. Однако не все смотрели на сделку с амиром оптимистично, помня опыт 40-летней давности.

Британская миссия в составе Каваньяри, секретаря и военного хирурга в сопровождении охраны прибыла в афганскую столицу в июле 1879 г. Её разместили в

¹ Hopkirk P. The Great Game... P. 385.

крепости Бала Хисар недалеко от дворца амира. Несколько недель всё шло хорошо, хотя Каваньяри сообщил в Индию, что из Герата в Кабул прибыло большое количество афганских войск. 2 сентября он прислал телеграмму, которая заканчивалась словами: «Всё в порядке». Больше от миссии ничего не слышали.

Произошло то, о чём предостерегал Лоуренс. Вернувшись в Кабул полкам амира задолжали жалование за 4 месяца. Якуб-хан выдал им деньги всего за месяц, а остальное они решили получить от Каваньяри: было известно, что в резиденции британского посланника имеются средства. Получив отказ, солдаты пытались проникнуть в резиденцию, но их встретили выстрелами. Афганцы атаковали здание, которое не было приспособлено к обороне. В ходе многочасового боя все защитники резиденции были перебиты.

В Афганистан вновь вступил генерал Фредерик Робертс, который в 1878 г. командовал одной из трёх колонн. Якуб-хан пытался заверить его, что наведёт порядок, но Робертс настоял, что его долг — помочь его высочеству наказать виновников. Он вошёл в Кабул и провёл массовые казни, Якуб-хан был свергнут. К Кабулу с трёх сторон начали стягиваться отряды племён. Казалось, повторяется мрачная для британцев ситуация конца 1841 г.

Однако в отличие от некомпетентного генерала Элфинстона Робертс был блестящим командующим, у него было больше войска (6,5 тыс. человек) и современное вооружение — заряжающиеся с казённой части винтовки, 2 пулемёта Гатлинга, 12 полевых и 8 горных пушек. Утром 23 декабря 1879 г. афганцы совершили массированное нападение, но благодаря шпиону Робертс точно знал час и место атаки. Афганцы были наголову разбиты, потеряв не менее 3 тыс. человек (британцы — всего 5)¹. Однако в стране по-прежнему не было правителя, а британская оккупация продолжала вызывать раздражение.

Между тем Кауфман выпустил из Самарканда племянника Шер Али-хана — Абд-ур-Рахмана, который за 12 лет до этого бежал в Туркестан и жил на русскую пенсию. Целью Кауфмана было противопоставить британцам афганского лидера, который организует сопротивление им, а после победы станет зависимым от России правителем. Однако британцы переиграли Кауфмана. Понимая, что Абд-ур-Рахман не столько прорусский или антибританский, сколько проафганский лидер, они договорились с ним, предложив ему трон сами. Было заключено соглашение: британцы уходят из Кабула, оставляя своим единственным представителем здесь агента-мусульманина; Абд-ур-Рахман обязался не поддерживать сношений с внешними державами, кроме Британии, а она — не вмешиваться в его внутренние дела. В июле 1880 г. новый амир въехал в столицу и оказался способным правителем и надёжным союзником британцев.

Между тем русские воспользовались занятостью британцев в Афганистане, чтобы присоединить туркменские земли. В декабре 1880 г. выдающийся генерал Михаил Скобелев, отличившийся в недавней войне с турками, подступил к главному оплоту враждебных России туркмен крепости Геок-Тепе и осадил её. Русские сапёры подвели подкоп под стену, и войска Скобелева взяли крепость. Туркмены, которые два столетия грабили русские караваны, нападали на аванпосты и угоня-

¹ Ibid.. P. 394–395.

ли в рабство царских подданных, больше проблем не создавали. В 1884 г. в состав России добровольно вошёл Мерв.

Неудивительно, что в 1885 г. Британия и Россия оказались на грани войны из-за Центральной Азии. Горячей точкой стал отдалённый оазис Пандждех на полпути между Мервом и Гератом. Британцы и афганцы считали его принадлежащим Афганистану, но русские считали иначе и придвинули войска. Афганцы укрепили гарнизон Пандждеха. Русский командующий генерал Комаров обратился к члену Афганской пограничной комиссии генералу сэру Питеру Ламсдену, чтобы тот посоветовал афганцам покинуть оазис. Не встретив понимания, Комаров предъявил афганцам ультиматум и по истечении срока велел войскам наступать на Пандждех, но не стрелять первыми. По версии губернатора Мерва Алиханова, огонь открыли афганцы, ранив казачью лошадь. После этого русские выбили афганцев из оазиса.

Многие в Лондоне считали, что война между двумя державами неизбежна. Новый премьер-министр У.Ю. Гладстон добился выделения парламентом военного кредита в 11 млн. ф. ст. — крупнейшая сумма со времени Крымской войны. Форин-офис подготовил официальное объявление о начале военных действий. Королевский флот был приведён в боевую готовность; рассматривалась возможность ударов по Владивостоку и Кавказу (последнее предпочтительно с турецкой помощью). Вице-король Индии собрался выдвинуть 25 тыс. солдат в Кветту¹. В газете «New York Times» вышла статья, начинавшаяся словами: «Это война».

И всё же войны удалось избежать — во многом благодаря здравомыслию афганского амира Абд-ур-Рахмана. Он в то время находился с визитом в Индии. Если бы амир в соответствии с англо-афганским соглашением потребовал от британцев помощи, избежать войны было бы трудно. Однако Абд-ур-Рахман не хотел, чтобы его страна ещё раз стала театром военных действий². К тому же за сам Пандждех Британия и Россия воевать не хотели; Герат — дело другое. На этот раз русские увидели, что если они двинутся дальше, британцы непременно готовы воевать, даже с либеральным правительством у власти. Было решено, что русский гарнизон выйдет из оазиса и судьбу Пандждеха решит совместная Афганская пограничная комиссия. Её работа продолжалась до лета 1887 г. Россия удержала Пандждех за собой, обменяв его у Абд-ур-Рахмана на стратегический перевал западнее этого оазиса.

Однако дальше к востоку, на Памире, границу ещё предстояло прочертить. Именно в этот пустынный район на следующие 10 лет переместился центр Большой Игры. Памир уже картографировали русские военные путешественники, заезжая далеко на юг от Амударьи. В 1885 г. туда была направлена группа британских военных топографов.

Падение правительства либералов в Лондоне привело к снятию запрета на отправку за пределы Индии британских разведчиков. Особенно вице-король лорд Дафферин беспокоился о Синьцзяне. После Петербургского договора, по которому Россия в 1881 г. вернула Китаю Илийский край, тот согласился на открытие россий-

¹ Ibid. P. 429.

² Представляется, что Хопкирк преувеличивает роль афганского правителя и «забывает» того, благодаря жёсткой позиции которого Лондон не решился на войну, — царя Александра III. Вспомним, что именно он вошёл в историю как Миротворец. — К.Ф.

ского консульства в Кашгаре. Консулом стал военный-англофоб Николай Петровский. Обладая сильным характером, он сделался фактическим правителем Кашгара, запугивая китайских чиновников¹.

Между тем ещё в 1880 г. по приказу генерала Скобелева началось строительство железной дороги из Красноводска на восток. В 1888 г. её дотянули до Бухары и Самарканда. Генерал Робертс требовал от вице-короля Индии аналогичных действий — строительства дорог, включая железные; правда, не все члены Совета по делам Индии в Лондоне были убеждены в необходимости столь крупных расходов. Обеспокоенный освоением Россией Средней Азии, в 1888 г. поездку по региону совершил Джордж Кёрзон — амбициозный член парламента от партии консерваторов и будущий вице-король Индии. Вернувшись на родину, Кёрзон издал книгу «Россия в Средней Азии и англо-русский вопрос» (1889 г.). Он был вынужден признать, что русское правление принесло мусульманским народам Средней Азии значительные блага, а новая железная дорога способствует экономическому развитию региона. Вместе с тем Закаспийская железная дорога резко изменила стратегический баланс в регионе не в пользу Британии.

Одной из выдающихся британских фигур в истории Большой Игры конца XIX — начала XX в. был Фрэнсис Янгхазбенд, который начинал лейтенантом 1-го драгунского гвардейского полка. В 1887 г. он пересёк Китай с востока на запад по маршруту, которым до него не следовал ни один европеец. Янгхазбенд поставил себе целью выяснить, смогут ли маньчжурские правители страны отразить вторжение России. Начав путешествие в Пекине, лейтенант завершил его в Индии, попав туда через неисследованный перевал Музтаг на Каракоруме.

К этому времени царские генералы тоже начали проявлять интерес к высокогорной ничейной территории, где сходились Гиндукуш, Памир, Каракорум и Гималаи. Русские военные топографы и путешественники, подобные полковнику Николаю Пржевальскому, забирались всё дальше в неизученные верховья Амударьи и даже на Северный Тибет. В 1888 г. один русский добрался до отдалённого горного княжества Хунза, которое британцы считали лежащим в их сфере влияния. В следующем году исследователь польского происхождения капитан Громбчевский въехал в Хунзу с эскортом из 6 казаков и был тепло принят правителем.

В 1890 г. Янгхазбенд вместе с коллегой из политического департамента Джорджем Макартни вновь отправился на Памир, а затем в Кашгар. К тому времени англо-китайские отношения улучшились, и британцам позволили перезимовать в этом городе. Петровский принял их радушно, хотя пытался убедить, что у Британии в Центральной Азии ничего не выйдет. Заданием Янгхазбенда было убедить китайцев выдвинуть претензии на Памир и послать туда войска, чтобы он не достался русским; если бы те попытались прорваться в Индию, им пришлось бы пересечь китайский Памир, что было бы уже актом прямой агрессии. Петровский узнал о тайной агитации Янгхазбенда, и Россия действовала быстро.

В августе 1891 г., когда Янгхазбенд возвращался через Памир в Индию, к его лагерю подъехали 20 казаков с 6 офицерами и российским флагом. Командовавший ими полковник Ионов дружески приветствовал Янгхазбенда, пригласил на обед,

¹ Автор преувеличивает степень влияния России в Синьцзяне. — К. Ф.

но настоял, чтобы тот покинул Памир, так как это российская территория. В Лондоне произошёл взрыв негодования, и Россия неохотно вывела отряды с Памира. Впрочем, Лондон и Петербург смогли урегулировать границу между русской Средней Азией и Восточным Афганистаном. «Более того, так долго тревожившая британских стратегов памирская дыра наконец была заделана. С одобрения Абд-ур-Рахмана узкий коридор земли, который прежде никому не принадлежал и тянулся на восток до китайской границы, стал афганской суверенной территорией. Хотя местами его ширина не превышала 10 миль — самое меньшее расстояние, на какое подошли друг к другу Британия и Россия в Центральной Азии, — этот коридор гарантировал, что их границы нигде не соприкоснутся. Конечно, большая часть Памира осталась в постоянном владении русских. Однако британцы понимали, что если Санкт-Петербург решил занять этот район, помешать ему они практически бессильны»¹.

Однако и с урегулированием на Памире Большая Игра не завершилась, а вновь сместилась на восток — на сей раз в Тибет, который долго был закрыт для иностранцев и защищён высочайшими горами в мире.

На рубеже XIX–XX вв. британцы забеспокоились о крепнущих связях между теократическим правителем Тибета далай-ламой XIII и Николаем II: между Петербургом и Лхасой ездили бурятские ламы, в том числе советник далай-ламы Агван Доржиев. Многие в Калькутте и Лондоне были готовы верить о русских почти всему. Большинство современных историков считают, что страхи британцев были по большей части безосновательны.

К лету 1902 г. страхи вице-короля Индии лорда Кёрзона относительно русских намерений в Тибете и в конечном счёте в Индии стали патологией. Он был убеждён, что между Петербургом и Пекином существует какой-то тайный договор по поводу Тибета. Основанием во многом служило письмо от 7 августа 1902 г. китайского сановника Кан Ювэя, который был вынужден бежать из Китая и поселился в Дарджилинге.

Кёрзон склонился к идее, что единственным эффективным шагом будет отправка в Лхасу миссии (если надо, с использованием силы), чтобы выяснить правду относительно деятельности там русских и отбить у далай-ламы охоту иметь с ними дела. После унижительной войны с бурами британское правительство смотрело на возможность новых авантюр без энтузиазма, но в 1903 г. Кёрзон добился его одобрения на отправку к границе с Тибетом небольшой дипломатической миссии для переговоров о нормализации отношений, так как тибетцы не признавали англо-китайских соглашений о протекторате Индии над Сиккимом и пограничном товарообороте.

Возглавил миссию старый друг Кёрзона полковник Янгхазбенд, который уже к 28 годам был ветераном Большой Игры, завершив несколько тайных миссий в горных районах, где сходились Британская, Российская и Цинская империи. Тибетцы отказались вести переговоры, и тогда вице-король убедил Лондон отправить вторую миссию во главе с тем же Янгхазбендом. Она уже включала тысячный военный отряд гуркхов и сикхов под началом бригадного генерала Дж. Макдоналда,

¹ Hopkirk P. The Great Game... P. 499.

2 пулемёта «Максим» и 4 пушки¹ и должна была продвинуться вглубь страны, до Гьянцзе, чтобы получить от тибетцев «удовлетворение». По сути то была карательная экспедиция.

Пограничный с Тибетом перевал Джелап англо-индийская экспедиция пересекла в декабре 1903 г. Это был последний экспансионистский шаг в Большой Игре. Россия (а также, естественно, Китай) протестовала против экспедиции Янгхазбенда. Однако начавшаяся в феврале 1904 г. русско-японская война избавила Британию от опасений ответных шагов с русской стороны.

Сначала тибетское население относилось к отряду по-дружески, но из Лхасы прибыли монахи, которые велели деревенским жителям не общаться с британцами, не продавать им пищи и не сдавать в аренду животных. Температура упала ниже -46° , стали замерзать ружейные замки и рабочие части пулемётов, поэтому их брали с собой на ночь в спальные мешки. Один из сопровождавших экспедицию журналистов, корреспондент *Daily Mail* Эдмунд Кендлер писал, что идея русского наступления на Лхасу абсурдна, учитывая, с какими трудностями столкнулась англо-индийская армия на пути всего в 150 миль от индийской железнодорожной станции Силигури — при том, что ближайший русский пост находится в более тысячи миль, а Северный Тибет по природным условиям ещё более негостеприимен, чем Южный. Однако Кёрзон и Янгхазбенд верили в призрак царизма.

Оборонительную стену, которую тибетцы выстроили поперёк пути отряда, и крепость в Хари, которая находилась на высоте 15 тыс. футов над уровнем моря и считалась самой высокогорной в мире, британцы взяли без единого выстрела. Первый бой произошёл в деревне Гуру, где дорогу экспедиции преградили 1500 оборванных тибетских воинов с фитильными мушкетами и лоскутами бумаги с личной печатью далай-ламы; ламы убеждали их, что эти талисманы дают неуязвимость от пуль. Сипаи попытались разоружить тибетцев, и те атаковали их, но благодаря значительному превосходству британцев в вооружении были отбиты с большим уроном. За 4 минуты было выкошено около 700 тибетцев. По свидетельству Кендлера, повернувшие назад тибетцы вели себя странно. Они не убегали, а медленно уходили с поля боя. «Они были сбиты с толку. Случилось невозможное. Молитвы, заклинания, мантры и святейший из их святых людей не помогли им... Они уходили, повесив голову, как если бы разочаровались в своих богах»².

После нескольких стычек Янгхазбенд дошёл до Гьянцзе, где обнаружил, что вести переговоры никто не собирается. Тогда он счёл необходимым для успеха миссии двинуться прямо на Лхасу. Далай-лама с Доржиевым бежали в Ургу — второй священный город ламаизма, а 1 августа 1904 г. британцы завидели позолоченную крышу дворца Потала с его тысячей комнат. Однако если они «надеялись найти компрометирующие свидетельства царских махинаций в Лхасе, они были разочарованы. Здесь не оказалось ни арсеналов русского оружия, о которых доносил Кавагути, ни советников из Петербурга, ни следов какого-либо тайного договора... Вот вам и донесения разведки о царских интригах за спиной Британии. Вот вам и

¹ Hopkirk P. *Trespassers on the Roof of the World...* P. 164.

² *Ibid.* P. 175.

русское пугало»¹. Петербург не метал громов и молний. Ему нечего было прятать в Тибете, а Лондон должен был выглядеть глупо.

Неожиданный побег далай-ламы поставил Янгхазбенда в тупик: с кем вести переговоры? Он подумывал броситься в погоню, но никто не открыл бы ему пути, которым спасся правитель. Правда, далай-лама оставил свою печать пожилому регенту, но не оставил инструкций, как разрешить кризис, и не делегировал никому своих полномочий. Однако тут вмешались китайцы и официально лишили далай-ламу светской власти за то, что бросил свой народ в час нужды. Что касается британцев, то население Лхасы приняло их неплохо и интересовалось пришельцами. В частности, тибетцы интересовались назначением телеграфа, который британцы протянули по маршруту своего пути; им отвечали, что после завершения переговоров этот шнур поможет экспедиции найти путь назад в Индию (это говорилось, чтобы тибетцы не пытались перерезать кабель).

Янгхазбенд навязал тибетскому регенту и Национальному собранию Англо-тибетскую конвенцию, по которой тибетцы признали границу с Сиккимом, согласились открыть два новых рынка, срыть укрепления между Гьянцзе и индийской границей, выплатить в течение 75 лет контрибуцию в 75 лакхов рупий и не иметь сношения с иностранными державами (кроме Китая) без согласия Британии. Последний пункт был направлен главным образом против России. В сентябре 1904 г. военная экспедиция покинула Лхасу. Вторжение стоило жизни около 2700 тибетцев². Правда, позднее британское правительство, опасаясь портить отношения с Россией, смягчило многие пункты конвенции.

Частично из-за поражения России в войне с Японией страх перед Россией в Британии в это время слабел перед лицом новой угрозы — экспансионистской Германии. 31 августа 1907 г. министры иностранных дел сэра Эдуард Грэй (через посла в Петербурге сэра Артура Николсона) и граф Александр Извольский заключили тайную конвенцию об Иране, Афганистане и Тибете. Две державы договорились воздерживаться от вмешательства во внутренние дела Тибета, не искать там концессий на строительство железных дорог, разработку недр или прокладывание телеграфа, не держать там представителей, а сноситься с Лхасой только через Китай, в зависимости от которого она находилась. Афганистан русские признали лежащим в британской сфере влияния, обязавшись не отправлять туда агентов и осуществлять все политические сношения с Кабулом через Лондон, хотя имели право торговать там; британцы обязались не давать Кабулу проявлять враждебность в отношении русского правления в Средней Азии. Относительно Ирана две державы обязались уважать его независимость и позволять другим странам свободно торговать там, но поделили его на сферы влияния, обозначив между ними нейтральную зону. Россия получила север и центр с Тегераном, Тегризом и Исфahanом, а Британия — юг, включая вход в Персидский залив. Грэй уверял, что Британия от сделки выиграла, хотя «ястребы» в обеих странах осуждали конвенцию как крупную уступку противнику.

«Однако что бы ни думали о ней критики, англо-русская конвенция 1907 г. наконец привела Большую Игру к завершению. Две противоборствующие империи

¹ Ibid. P. 186.

² Ibid. P. 194.

наконец достигли пределов своей экспансии. Тем не менее в Индии и дома (в Британии. — *К. Ф.*) ещё сохранялись подозрения относительно намерений России, особенно в Персии, которую Санкт-Петербург продолжал сжимать жёсткой хваткой. Однако этих опасений было недостаточно, чтобы власти Индии почувствовали серьёзную угрозу. Русское пугало наконец положили отдыхать. Большая Игра заняла большую часть столетия и стоила жизней многим смельчакам с обеих сторон, но в конце концов была разрешена посредством дипломатии»¹.

Разрешена ли? Так казалось в августе 1914 г., когда британцы и русские оказались союзниками в Азии и Европе. Однако время Николая II кончалось. Октябрьская революция привела к краху всего Восточного фронта от Балтики до Кавказа, большевики разорвали договоры своих предшественников, сделав пустой бумажкой и англо-русскую конвенцию 1907 г. Когда Ленин поставил целью зажечь Восток с помощью марксизма, Большая Игра возобновилась в новом облике и с новой энергией.

---

¹ Hopkirk P. The Great Game... P. 522.

5. Гонка за древности Синьцзяна

Параллельно с геополитической Большой Игрой держав в Центральной Азии со второй половины XIX в. набирала обороты ещё одна «игра» — соревнование европейских учёных за доступ к материальным (и духовным) остаткам древних цивилизаций, прежде существовавших в этом регионе. Особое место в этой научной гонке заняла территория современного Синьцзян-Уйгурского автономного района.

В глубине Центральной Азии, где Китай теперь испытывает своё ядерное оружие, раскинулся океан песка, в котором некогда бесследно исчезали целые караваны. Более тысячи лет пустыня Такла-Макан пользовалась среди путешественников недоброй репутацией. С трёх сторон её окружает ряд высочайших горных систем мира (с севера Тянь-Шань, с запада Памир, с юга Каракорум и Кунь-Лунь), а с четвёртой — пустыня Гоби, поэтому даже приблизиться к Такла-Макану — дело опасное. Исследователь Свен Гедин называл Такла-Макан худшей и опаснейшей пустыней в мире, а сэр Аурэл Стайн считал пустыни Аравии по сравнению с ней «ручными». Ещё великий китайский путешественник VII в. Сюань Цзан упоминал о страшных песчаных бурях этой пустыни. По красочному описанию британского генерального консула в Кашгаре в 1920-е гг. сэра Клэрмонта Скрайна, дюны Такла-Макана подобны уходящим за горизонт гигантским волнам окаменевшего океана.

Этот малоизвестный регион Китая обозначался на картах по-разному: Китайская Татария, Высокая Татария, Китайский Туркестан, Восточный Туркестан, Китайская Центральная Азия, Кашгария, Сериндия и Синьцзян. Китайцы эпохи Хань знали Такла-Макан как Лю-ша, «Движущиеся пески». На карте современного Китая Такла-Макан (по-уйгурски «пойдѣшь — не вернѣшься») выглядит яйцевидным пятном в центре Синьцзяна.

Во II в. до н.э. путешествие с тайным заданием достичь таинственных тогда западных стран совершил китайский чиновник Чжан Цянь. Он был послан ханьским императором У-ди заключить союз с жившим за Такла-Маканом народом юэчжи против общего врага — кочевой державы Хунну. По пути Чжан попал в плен к хунну, 10 лет прожил среди них, бежал и всё же добрался до юэчжи. Правда, выяснилось, что после поражения от хунну они перешли к оседлой жизни и потеряли ин-

терес отомстить. Чжан прожил среди них год и спустя 13 лет после отъезда из Китая вернулся в ханьскую столицу Чанъань (современный Сиань), где его давно считали мёртвым. Привезённые им сведения военного, политического, экономического и географического характера вызвали при дворе сенсацию. Император узнал о богатых и дотоле неизвестных царствах Ферганы, Самарканда, Бухары и Балха, о существовании Ирана и далёкой страны Ли-гань — Рима. Весьма заинтересовало их открытие Чжаном в Фергане новой породы боевых коней. У-ди снарядил в Фергану несколько экспедиций за этими лошадьми, и их привезли в Китай. Именно Чжан Цянь (получивший от У-ди титул Великий Путешественник) может считаться основателем Шёлкового пути, связавшего две империи — Хань и Рим.

Термин «Шёлковый путь», впервые употреблённый немецким учёным бароном Фердинандом фон Рихтхофеном в XIX в., немного неточен: караванный путь из Китая через Центральную Азию и Ближний Восток состоял из нескольких маршрутов, а везли по нему разные товары. Китайцы постепенно двигали свои границы на запад, размещая на торговом пути гарнизоны и смотровые башни. Шёлковый путь начинался от Чанъани и шёл на северо-запад через коридор Ганьсу к оазису Дуньхуан в Гоби. Проходя через Нефритовые ворота, он разделялся на две дороги, огибая Такла-Макан с обеих сторон. Северная дорога шла через Хами и цепь оазисов по северной кромке пустыни — Турфан, Карашахр, Куча, Аксу, Тумчук и Кашгар. Южная дорога вилась между Тибетом и южной кромкой пустыни по оазисам Миран, Эндере, Ния, Керия, Хотан и Яркенд. Две дороги воссоединялись в Кашгаре, откуда начиналось опасное восхождение на Памир. Оттуда Шёлковый путь спускался в Коканд и проходил через Самарканд, Бухару, Мерв, Иран и Ирак к берегам Средиземного моря, откуда корабли увозили товары в Александрию и Рим.

Другой путь ответвлялся от южной дороги на западном краю Такла-Макана и проходил через Балх, воссоединяясь с Шёлковым путём в Мерве. Ещё один путь уходил от Яркенда через опасные перевалы Каракорума в города Лех и Шринагар, откуда дорога спускалась в Индию. «Существование и выживание Шёлкового пути всецело зависели от расположенной по периметру Такла-Макана цепи стратегических оазисов, каждый из которых находился не более чем в нескольких днях пути от следующего. Оазисы, в свою очередь, полностью зависели от питаемых ледниками рек, стекавших с длинных горных хребтов, которые обрамляют великую пустыню с трёх сторон как подкова. Когда движение по Шёлковому пути активизировалось, эти оазисы превратились в важные торговые центры сами по себе, а не просто места стоянки и отдыха проходящих через них караванов»¹.

Китай и кочевники Центральной Азии боролись за контроль над Шёлковым путём. Этот контроль периодически переходил к какому-нибудь племени или независимому правителю, который облагал оазисы данью или просто грабил караваны, пока китайцам не удавалось восстановить власть с помощью оружия или договора. Однако и в последнем случае караваны редко двигались без охраны, так как всегда был риск нападения разбойников (особенно тибетцев с Кунь-Луня). Это делало путешествие дорогостоящим, повышая цену товаров и в конце концов приведя к развиту морских сообщений. И всё же Шёлковый путь продолжал процветать.

¹ Hopkirk P. Foreign Devils on the Silk Road: The Search for the Lost Treasures of Central Asia. L.: John Murray, 1980. P. 18.

Уходившие из Рима в Китай караваны были гружены не только драгоценными металлами, но и сукном и льняными товарами, слоновой костью, кораллами, стеклом, которое в Китае стали производить лишь в V в. Из Китая кроме шёлка везли меха, керамику, железо, лакированные изделия, бронзу. Не все эти товары проделывали весь путь: многие выменивались или продавались в оазисах или городах по дороге, заменяясь другими, такими как нефрит. Едва ли один и тот же караван проходил весь Шёлковый путь длиной 9 тыс. миль туда и обратно. В Риме никогда не видели китайских купцов, а в Чанъани — римских.

Великая трансасиатская дорога была путём распространения ещё одного «товара», которому предстояло революционизировать искусство и мысль на всём Дальнем Востоке, — буддизма. Проникновение этой религии в Китай помимо прочего дало миру совершенно новый стиль искусства. Попавшее в Китай буддийское искусство само было гибридом: то было греко-буддийское искусство гандхарской школы с северо-запада Индии. Оно двигалось по Шёлковому пути на восток вслед за миссионерами и купцами, постепенно впитывая внешние влияния. Это привело к бурному распространению в оазисах вокруг Такла-Макана монастырей, гротов и ступ. Они пользовались покровительством местных династий и богатых купцов. Некоторые паломники оставили описание жизни в оазисах Такла-Макана. Одним из них был китаец Фа Сянь, который в 399 г. побывал в Хотане и насчитал там 14 крупных монастырей с пагодами. Кроме буддизма в Китай по Шёлковому пути со своим искусством и литературой пришли ещё две иностранные религии — христианство несторианского толка и манихейство.

Искусство и цивилизация Шёлкового пути достигли зенита в период правления китайской династии Тан (618–907), который считается «золотым веком» Китая. Когда империя склонилась к упадку, то же произошло с цивилизацией Шёлкового пути. Вместе с монастырями, храмами и произведениями искусства исчезли многие некогда процветавшие города. Следы славной эпохи испарились, и лишь в XIX в. её открыли заново. Главных причин исчезновения цивилизации было две: постепенное высыхание питаемых ледниками рек и внезапное появление воинствующих приверженцев ислама. При династии Мин (1368–1644), когда Китай закрылся от контактов с Западом, Шёлковый путь был окончательно заброшен, что привело к дальнейшей изоляции и упадку региона. Выжили лишь крупнейшие оазисы, наиболее обеспеченные водой, а религия у них уже была другая. Неудивительно, что среди жителей Такла-Макана от дедов к внукам передавались легенды о погребённых под песками древних городах с сокровищами.

Эти легенды повторяли мусульманские историки, а в XIX в. о заброшенных городах узнали европейские учёные. Первые надёжные сведения представил в 1865 г. Мухаммад-и-Хамид, пандит, которого Монтгомери послал с тайной миссией в Яркенд.

Первым европейским исследователем, которому удалось добраться из Индии до Такла-Макана, был топограф Уильям Джонсон, который посетил засыпанный песком город близ Хотана. Среди тех, кто был зачарован обрывками сведений о том, что могут таить пески Такла-Макана, был чиновник гражданской службы в Панджабе сэр Даглас Форсайт. Вернувшись из миссии к правителю Кашгарии Якуб-бегу 1873 г., он отправил в Королевское географическое общество в Лондоне текст «О городах, похороненных в движущихся песках великой пустыни Гоби».

(О Такла-Макане тогда слышали немногие, и названием «Гоби» обозначали обе пустыни.) Форсайт поведал о статуэтках Будды и индуистского бога-обезьяны Ханумана, золотых кольцах и железных монетах времён Греко-Бактрийского царства I в. до н.э. Через год–два о заброшенных городах на окраинах Такла-Макана начали сообщать русские путешественники.

Первое открытие сделала в 1889 г. группа местных охотников за сокровищами, которые прорыли проход в загадочную куполообразную башню (буддийскую ступу) близ оазиса Куча. Внутри эти люди нашли кипы старых бумаг, мумифицированные трупы животных и загадочные надписи на стене. Бумаги они отнесли местному кази, у которого их купил хаджи Гулам Кадир. У него, в свою очередь, одну из рукописей (в составе 51 берестяного листа) купил британский разведчик Хэмилтон Боуэр, отправив Азиатскому обществу Бенгалии в Калькутту. Там письма расшифровал англо-немецкий востоковед доктор Аугустус Хернл. Манускрипт был написан на санскрите письменностью *брахми* и повествовал о медицине и волшебстве. Он был составлен около V в. и оказался одним из старейших дошедших до нас письменных сочинений (что стало возможно благодаря исключительно сухому климату Такла-Макана). Позднее сам Хернл приобрёл у Гулам Кадира другие манускрипты. Остальные рукописи из ступы близ Кучи скупил русский консул в Кашгаре Петровский, который постоянно снабжал учёных в Петербурге предметами древности (некоторые из них выставлены в Эрмитаже). Хернл просил правительство Индии оказать содействие в приобретении антикварных вещей, и в 1893 г. политическим агентам в Шринагаре, Гилгите, Читрале, Лехе, Хорасане, Мешхеде и Кашгаре было предписано искать такие артефакты и пересылать их Хернлу в Калькутту.

Первой чисто археологической экспедицией в Китайскую Центральную Азию была поездка в Турфан русского учёного Дмитрия Клеменца в 1898 г. под эгидой Академии наук. Клеменц подтвердил существование руин вокруг оазиса, сфотографировал некоторые и привёз буддийские рукописи и фрагменты фресок.

Однако человеком, которому было суждено приоткрыть давние тайны Шёлкового пути, стал швед Свен Гедин — один из величайших путешественников в мировой истории. Несмотря на низкий рост и проблемы со зрением, он был решителен, силен и амбициозен. Наградами за заслуги его осыпали многие правительства. В Британии он получил рыцарское звание, степень почётного доктора Оксфорда и Кембриджа, две золотые медали Королевского географического общества. У него было около 50 опубликованных работ, переведённых на 30 языков, а среди его личных друзей были царь, кайзер, король Швеции, Гинденбург, Китченер и Кёрзон. Правда, когда в 1952 г. он умер, о нём почти забыли. Это связано с тем, что во время обеих мировых войн Гедин занял бескомпромиссную пронемецкую позицию.

Первая экспедиция Гедина по Китайской Центральной Азии началась в феврале 1895 г., причём путешественник не обогнул пустыню, а углубился в неё, что было чрезвычайно опасно. Уже первая поездка в Такла-Макан едва не стала для Гедина последней, когда у его экспедиции кончилась вода и два спутника умерли.

В декабре 1895 г. Гедин начал вторую экспедицию, вновь выехав из Кашгара на восток. В Борасане близ Хотана он нашёл или приобрёл у местных охотников за сокровищами около 500 предметов древностей (терракотовые фигурки Будды, людей и верблюдов, рукописи, монеты). Близ реки Керия экспедиция набрела на развали-

ны с фресками, изображавшими Будду и буддийских божеств. Гедин понял, что наткнулся на утерянную буддийскую цивилизацию, описанную Фа Сянем. Не будучи профессиональным искусствоведом, он, тем не менее, сумел отличить в иконографии индийское, гандхарское, персидское и греческое влияние. У самой реки Гедин обнаружил ещё один занесённый песком город, который местные жители называли Карадонг, «Чёрный холм». Вернувшись в Хотан, Гедин отправился в Тибет, откуда через Пекин и по Транссибирской магистрали вернулся в Швецию, где обнаружил, что уже знаменит.

Величайшее археологическое достижение ждало Гедина во время его третьей экспедиции в сентябре 1899 г. — открытие древнего китайского гарнизонного города Лоулань. Экспедицию финансировали король Швеции Оскар и миллионер Э. Нобель. На этот раз Гедин отправился на лодке по реке Тарим, чтобы найти блуждавшее по пустыне солёное озеро Лобнор. Однако в начале декабря река замёрзла, и двигаться пришлось пешком. Температура по ночам иногда падала до -22° , и постоянно шёл снег. Заехав в Тибет и потеряв там одного человека, 10 лошадей и 3 верблюда, Гедин вернулся к обнаруженным в пустыне Лоб деревянным руинам. Вскоре его люди наткнулись на куски дерева и обрывки древней бумаги с индийским письмом и китайскими иероглифами. Всего было найдено 120 деревянных документов и фрагмент древнего ковра со свастикой. Учёные прочитали найденные Гедином носители информации и восстановили повседневную жизнь древнего города, получив массу сведений от бытовавших там наказаний неплательщиков налогов до школьной таблицы умножения.

Тем временем на другом конце Такла-Макана первую из своих трёх археологических экспедиций по Шёлковому пути начал другой знаменитый путешественник — Марк Аурел Стайн. За время его экспедиций, продолжавшихся 16 лет, из Китайского Туркестана было привезено произведений искусства и рукописей на целый музей. Это принесло Стайну ненависть китайцев, которые до сего дня считают его главным среди тех «чужеземных чертей», которые лишили их памятников родной истории. Стайн проехал по Китайскому Туркестану 25 тыс. миль. С Гедином у него было много общего, но имелось и существенное различие. Стайн был блестящим востоковедом, который хотел проверить на практике определённые выводы. Гедин был квалифицированным картографом и просто археологом, что сближает его с великим русским путешественником Пржевальским.

Стайн родился в 1862 г. в Будапеште в еврейской семье, но был крещён. Со школьных лет он был очарован кампаниями Александра Великого; возможно, как венгерских востоковедов Ксому де Кёрёша и Арминиуса Вамбери, Центральная Азия подсознательно манила его преданием, согласно которому венгры происходят от гуннов. Изучив восточные языки в университетах Вены и Лейпцига и защитив диссертацию в Тюбингене, Стайн три года провёл в Оксфорде и Британском музее.

В мае 1900 г. Стайн с четырьмя азиатскими спутниками выехал из Шринагара в Кашгар. В местечке Дандан-уйлык он обнаружил разграбленный буддийский храм с фресками, а в нём несколько *потхи* — индийских рукописей, в которых страницы скреплялись с помощью бечёвки. Всё это были санскритские тексты буддийского канона, иные из которых датировались V–VI вв. Там же Стайн нашёл китайскую монету VIII в. и свитки на китайском.

В январе 1901 г. Стайн проследовал к р. Керия, а затем к развалинам города Ния, где обнаружил сотни деревянных табличек с надписями чёрными чернилами на одном из индийских праkritов письменностью *кхароштхи*. На иных были глиняные печати, где археолог с изумлением узнал Афину Палладу и других греческих божеств. В Раваке к северу от Хотана он обнаружил полужасыпанную песком большую ступу, вокруг которой лежали отбитые головы статуй Будды и боддхисаттв.

«Между тем в антикварных кругах Европы открытия первой экспедиции Стайна вызвали сенсацию. Это были свидетельства прежде неизвестной буддийской цивилизации, прозябающей на задворках мира, но обладающей собственными замечательными искусством и литературой. До тех пор археологи интересовались почти исключительно классическими, древнеегипетскими и библейскими местами раскопок. Центральноазиатская археология была чем-то новым»¹. В 1901 г. на 13-м международном съезде востоковедов в Гамбурге была принята специальная резолюция с поздравлением Стайна с его открытиями. Она помогла ему добиться у правительства Индии средств на вторую экспедицию и привлекла внимание к региону востоковедов Парижа, Берлина и Петербурга.

Экспедиции Стайна положили начало международной гонке за древние буддийские сокровища Такла-Макана и Гоби. Она продолжалась четверть века, и в ней участвовали археологи семи наций. Путешественники вывезли из Китайского Туркестана древности, которые разошлись более чем по 30 музеям и институтам в Европе, Америке, России и на Дальнем Востоке. В целом конкуренция велась по-джентльменски, и лишь иногда случались ссоры по поводу того, кто имеет право на раскопки в определённом месте.

Первые серьёзные конкуренты Стайна обнаружили в Этнологическом музее Берлина, и в Азию отправилась экспедиция профессора Альберта Грюнведела. Немцы избрали целью район Турфана — плодородный оазис в низменности, которая считается самой глубокой в мире и отличается огромной амплитудой температур: зимой исключительно холодно, а летом стоит зной до +54°C. Находки Грюнведела заполнили 46 ящиков: буддийские фрески, рукописи, скульптуры. Результаты экспедиции были обнадеживающими, и был учреждён комитет для выполнения более амбициозной программы; средства пожертвовали Крупп и кайзер. Вторую экспедицию возглавил Альберт фон Ле Кок, родившийся в Берлине в 1860 г. в семье богатого виноторговца-гугенота. По стопам отца он не пошёл, а выучил восточные языки и работал в индийской секции Этнологического музея.

Приступив к раскопкам развалин города Караходжа к востоку от Турфана, немцы обнаружили много ценного, включая остатки фресок, изображавших Мани: в VIII в. в городе существовала многочисленная манихейская община. Другие артефакты (рукописи, фрески, картины на ткани) демонстрировали сильное персидское влияние. Нашёл фон Ле Кок в Караходже и буддийский монастырь, а также небольшую несторианскую церковь за чертой старого города. Бартус нашёл псалтырь V в., отрывки Евангелия от Матфея и другие христианские тексты. Из Караходжи немцы переехали в Безеклык, где находился комплекс буддийских пещер.

В Хами немцы узнали от купца-туркмена об открытии за пять лет до этого крупной библиотеки древних книг и рукописей в оазисе Дуньхуан в 200 милях к

¹ Ibid. P. 109.

югу через Гоби. Правда, им пришлось отказаться от поездки туда, так как у них была назначена встреча в Кашгаре с ехавшим из Германии Грюнведем. Втроём немцы в декабре 1905 г. направились к комплексу скальных храмов в Кызыле в горах Тянь-Шаня, где обнаружили фресковое изображение легенды о Будде. В конце концов фон Ле Кок заболел дизентерией и в 1907 г. с приключениями вернулся через Ладакх и Индию в Европу. Добыча третьей немецкой экспедиции составила 128 ящиков артефактов¹.

Между тем в Китайский Туркестан вновь выехал Стайн, а также французский археолог Поль Пелльо. Стайн на этот раз приехал из Индии через «Памирский узел» — место, где смыкаются Памир, Каракорум и Гиндукуш в Восточном Афганистане. Его поездку финансировали Британский музей и правительство Индии. Стайн опасался, что Пелльо первым достигнет его главной цели — Лоуляня, поэтому спешил. Лоулянь, где имелась разрушенная ступа, был самым отдалённым из всех мест развалин в пустыне. Среди находок Стайна по соседству, в Миране, были великолепные буддийские фрески, включая крылатых ангелов, и ему почудилось, что он находится не в сердце Внутренней Азии, а где-нибудь в Сирии или другой восточной провинции Римской империи. В феврале 1907 г. Стайн направился на северо-восток по замёрзшей пустыне Лоб в Дуньхуан.

Пещеры тысячи будд в Дуньхуане — одно из наименее известных чудес Китая. Это 469 древних храмов, вырубленных в скале рядами подобно сотам и содержащих великолепные фрески и скульптуры. Место веками славилось по всему буддийскому миру как религиозный центр. Сам городок Дуньхуан служил воротами Китая на Запад, последней стоянкой отправлявшихся по Шёлковому пути караванов, местом, где сходились его северная и южная ветви. Скальные храмы Дуньхуана берут начало в 366 г., когда по легенде монаху Лоцзуню явилась тысяча будд в облаке. Он убедил богатого паломника дать средства на роспись небольшой пещеры фресками. Его примеру последовали другие. Дуньхуан называют одним из богатейших музеев в мире, великой галереей искусства в пустыне. В 1879 г. его посетил Пржевальский, а позднее (случайно) венгерская геологическая экспедиция.

Стайн приехал в Дуньхуан в марте 1907 г., не предполагая, что он станет местом его величайшего открытия. Тут он услышал от торговца из Урумчи, что несколько лет назад даосский жрец Ван Юаньли, назначивший себя смотрителем пещер, наткнулся на замурованный в одной из них огромный склад древних рукописей. Стайн встретился с Ваном, и началось то, что в Европе приветствовали как его величайший триумф, а китайцы осуждали как позорный обман, если не сказать грабёж. Сыграв на гордости Вана за подопечный ему музей и на почитании им Сюань Цзана, Стайн заявил, что тоже прошёл более 10 тыс. *ли*² по горам и пустыням в поисках буддийских руин. Благочестивый монах показал археологу небольшую комнату, заваленную свитками рукописей общим объёмом около 500 кубических футов. Их открытие европейцем стоит в одном ряду с открытием гробницы Тутанхамона и развалин шумерского города Ура. С позволения Вана и в обмен на богатое пожертвование храму (130 ф. ст.) Стайн увёз из Дуньхуана несколько сот пачек ру-

¹ Ibid. P. 146.

² Китайская мера длины, равная 500 м. — К.Ф.

кописей. Ван понимал, что в Дуньхуане древние буддийские литература и искусство рано или поздно погибнут от безразличия властей.

Вернувшись из второй экспедиции, Стайн снискал немало почестей в европейских странах и написал двухтомный отчёт «Развалины пустынного Китая». Самое знаменитое произведение, вывезенное Стайном из комнаты со свитками, — Алмазная сутра, наиболее ранняя из известных печатных книг, датируется 11 мая 868 г. Подавляющее большинство рукописей из тайника Вана были на китайском — 7 тыс. полных манускриптов и 6 тыс. отрывков. Их каталог составили лишь через полвека. Совершивший этот подвиг доктор Лайонел Джайлз подсчитал, что ему пришлось проделать путь в 10–20 миль убористого текста¹.

На пятки Стайну наступал француз Пелльо. Он приехал в Китайский Туркестан в августе 1906 г., когда британцы, шведы, немцы и японцы (не говоря о русских) уже побывали здесь хотя бы по разу. Опоздание французов, возможно, объясняет открытие ими незадолго до этого некогда богатой цивилизации в джунглях Индокитая, включая величественные руины Ангкора, которая и занимала их востоковедов. Теперь был учреждён комитет во главе с востоковедом Эмилем Сенаром, который решил отправить в Китайский Туркестан экспедицию из трёх человек под началом блестящего молодого китаиста Поля Пелльо. Он отличался великолепной памятью, знал 13 языков и был кавалером ордена Почётного легиона.

Французы проехали через Москву и Ташкент в Кашгар. Первым местом, представлявшим для них интерес, был Тумчук — город вокруг буддийского монастыря, который процветал по меньшей мере до 800 г. Французы вели раскопки в Куче, затем посетили Пещеры тысячи будд в Дуньхуане и даже убедили Вана показать библиотеку. Пелльо три недели перебирал пыльные свитки и тайно купил у Вана две пачки рукописей (примерно за 90 ф. ст.).

В Париж Пелльо в 1909 г., где его встретили как героя, хотя коллеги-недоброжелатели утверждали, будто всё ценное уже выбрал Стайн, поэтому привезённые Пелльо рукописи — поддельные. Доставленные экспедицией картины, скульптуры, ткани были выставлены в Лувре. Во время Первой мировой войны Пелльо работал французским военным атташе в Пекине и положил глаз на ещё несколько древних развалин. Однако когда у него появились деньги на раскопки, было уже поздно — китайцы захлопнули дверь перед западными археологами.

Осенью 1908 г. британская разведка заинтересовалась передвижениями по Шёлковому пути двух молодых японских археологов. То были учёные монахи из монастыря графа Кодзуи Отани в Киото, искавшие в Китайской Центральной Азии её буддийское прошлое.

Соперничество великих держав за сокровища Шёлкового пути становилось напряжённое. Первым русским, который поведал о засыпанных песком развалинах в пустынях Китая, был полковник Николай Пржевальский. Однако в первую очередь он был зоологом и не пытался вести раскопки в виденном им в 1876 г. «очень большом городе» в пустыне Лоб. В 1879 г. ботаник Альберт Регель в ходе разведывательной миссии в Восточном Тянь-Шане открыл близ Турфана опоясанную стеной древнюю уйгурскую столицу Караходжа, но ему помешали китайцы. Следую-

¹ Ibid. P. 174.

щим был Дмитрий Клеменц, который вместе с женой-ботаником в 1898 г. был отправлен Академией наук и Императорским географическим обществом выяснить слухи об обилии древних развалин в Турфане. Он изучил несколько мест вокруг Турфана, насчитал 130 пещерных храмов, во многих из которых хорошо сохранились фрески. Однако лишь в 1905 г., когда братья Березовские отправились в Кучу и правительство учредило Комитет изучения Центральной и Восточной Азии, Россия стала навёрстывать упущенное в изучении Центральной Азии. В 1908 г. протеже Пржевальского полковник Пётр Козлов открыл во Внутренней Монголии развалины большого города Харахото, «Чёрного города». Козлов и его люди нашли немало рукописей, книг, монет и предметов буддийского культа, которыми заполнили 10 ящиков.

Между тем Стайн в Шринагаре и фон Ле Кок в Берлине собирались в новые экспедиции. Стайн беспокоился, что немцы раньше него доберутся до Мирана и вывезут оттуда обнаруженные им в 1907 г. фрески. В 1914 г. немецкая экспедиция была прервана из-за начала Первой мировой войны и Стайн остался хозяином Шёлкового пути. Правда, когда он достиг Мирана, то нашёл там лишь гипсовые осколки. В Дуньхуане он приобрёл ещё 5 ящиков рукописей.

Наконец осенью 1923 г. по Шёлковому пути проехали два американских востоковеда — Лэнгдон Уорнер из Художественного музея Фогга в Гарварде и Хорас Джейн из Пенсильванского музея. За 8 лет до этого ни один археолог не вывез из Китайского Туркестана ничего — из-за мировой войны и политического кризиса в Китае, где нарастало раздражение против всех иностранцев, а власть на местах захватили воевавшие друг с другом милитаристы. Правда, целью экспедиции Уорнера и Джейна не был массовый вывоз произведений искусства; они хотели только разведать обстановку и решить ряд искусствоведческих головоломок.

Уорнер уже побывал в 1903 г. в Русском Туркестане в составе геологической и археологической экспедиции, посещал Японию и Китай. В ноябре 1923 г. американцы добрались на верблюдах до Харахото, после чего отправились через замёрзшую Гоби в Дуньхуан. Там они с огорчением увидели, что некоторые фрески испорчены солдатами Белой армии, которые процарапали номера своих полков. Уорнер собрал несколько фресок, чему зритель не препятствовал. Через 9 месяцев Уорнер вернулся в Пекин с сокровищами для своего музея.

«Хотя американцы поняли это не сразу, археологический открытый доступ в Центральную Азию почти закончился. За 30 лет с первого смелого путешествия Свена Гедина в пустыню Такла-Макан доступ в затерянные города и разрушенные монастыри Шёлкового пути был практически неограниченным. Шедевры буддийского искусства приобретались почти за бесценок... Однако время для иностранных археологов быстро подходило к концу»¹.

30 мая 1925 г. британский полицейский офицер в Шанхае велел открыть огонь по недовольным китайским студентам. 11 человек было убито, и Китай захлестнула волна негодования против «чужеземных чертей». Уорнер как раз прибыл в Пекин во главе более крупной экспедиции и намеревался вывезти из Дуньхуана ещё фресок. Местные власти и население стали чинить экспедиции препятствия, и аме-

¹ Ibid. P. 223.

риканцам пришлось свернуть её. Правда, через два года немецкой геологической экспедиции удалось вывезти ряд артефактов из отдалённых и неохраемых Равака и Дандан-уйлыка.

Уорнеру пришла мысль обратиться к обладавшему большим авторитетом сэру Марку Аурелу Стайну, который уже ушёл на покой, отправиться в Китай от имени музея Фогга. Стайн согласился и добился в Нанкине разрешения на раскопки в Туркестане. Однако в среде китайской интеллигенции и в прессе началась энергичная кампания против его экспедиции. Стайн уже проехал из Кашгара по оазисам Такла-Макана 2 тыс. миль, собирая для своих американских спонсоров скудный археологический материал, как его противники взяли верх и ему пришлось прервать экспедицию. К тому же его заставили показать властям всё, что он собирался вывезти из страны. Рукописи III в. из Нии пришлось оставить в Кашгаре.

Гедин в 1926 г. вернулся в Китай по приглашению правительства, чтобы изучить маршрут для воздушного сообщения Берлин – Урумчи – Пекин, но собирался заняться и научными изысканиями, включая археологию и палеонтологию. Однако в Пекине он и его люди попали под огонь враждебной критики: китайцы, мол, не нуждаются в иностранной помощи для изучения собственной страны. Гедину навязали 10 китайских спутников-учёных и условие, что все археологические находки останутся собственностью китайского правительства.

Находки Стайна, Пелльо, фон Ле Кока и других археологов сегодня поделены между музеями и институтами десятка стран. Масштаб коллекций варьируется от очень крупных (Британский музей, Музей индийского искусства в Берлине, Национальный музей в Дели, Токийский национальный музей, Эрмитаж) до небольших (музей Чернуски в Париже, галерея Нельсона в Канзасе). Правда, и их мало кто знает. Немногие крупные музеи в недосягаемости большинства, а многие находки с Шёлкового пути хранятся в запасниках. Немало фресок, привезённых фон Ле Коком (Турфанская коллекция Этнологического музея в Берлине), погибло в годы Второй мировой войны. Что касается вывезенных Стайном рукописей и книг, то они поделены между Британской библиотекой и Библиотекой министерства по делам Индии в Лондоне. В целом тысячи рукописей из Китайского Туркестана находятся сейчас по меньшей мере в 8 странах, и многие ещё предстоит перевести. Расшифровка неизвестной письменности или перевод целой коллекции манускриптов может стать для учёного делом всей жизни.

6. Гонка за Лхасу

Ещё одним состязанием в Центральной Азии, которое шло параллельно и англо-русской Большой Игре, и соревнованию географов и археологов девяти стран в Синьцзяне, была гонка путешественников за Лхасу, за честь первым достичь столицы загадочного Тибета. Закрытие границ этой страны её властями лишь подстёгивало интерес путешественников.

В Европе о таинственной стране за Гималаями слышали ещё Геродот и Птолемей, но её первое описание достигло Европы в XIV в., когда на неё наткнулся, по его собственному утверждению, путешественник-францисканец Одорик. Сначала тибетцы не препятствовали европейским путешественникам пересекать их границы и даже посещать Лхасу; правда, это оказалось под силу лишь горстке путешественников, в основном иезуитов и францисканцев. Однако когда к плохо охраняемым границам Тибета стали приближаться Британская и Российская империи, тибетцы испугались за свой образ жизни и религию, не говоря о золотых приисках. С этого времени горная страна стала запретной — для всех, кроме китайцев, поскольку Цинская империя рассматривала Тибет как часть своих владений. В Лхасе размещался китайский *амбань* (наместник), хотя по мере упадка маньчжурской династии его влияние сокращалось.

Огромная природная крепость, какой является Тибет, получила у путешественников викторианской эпохи прозвание «Крыша мира», а столь далёкая и загадочная столица этой страны — «Запретный город». Находясь на средней высоте 3650 м над уровнем моря, Лхаса была самой высокогорной столицей в мире. Поездки по Тибету сопряжены с немалыми трудностями. Вода там кипит при более низкой температуре, чем обычно, зато, если опустить руку в кипяток, будет терпимо. Тибетское нагорье образовалось около 60 млн. лет назад при столкновении огромного острова, ставшего Индийским субконтинентом, с остальной частью Азии (это подтверждают находки в Тибете морских окаменелостей)¹. С трёх сторон Тибет отрезан от Азии высочайшими горами мира: с севера его защищают Кунь-Лунь и Нань-Шань, с запада — Каракорум и Ладакх, с юга — Гималаи.

Тибетов существует два. Ведущий знаток этой страны в межвоенный период сэр Чарлз Белл различал «политический» Тибет, где правили далай-ламы или их ре-

¹ Hopkirk P. Trespassers on the Roof of the World... P. 5.

генты, и намного более обширный «этнографический» Тибет, который включал все районы с преобладанием тибетского населения (части китайских провинций Цинхай, Ганьсу, Сычуань и Юньнань, а также Ладакх). До X в. воинственные тибетцы были одной из имперских держав Азии, ходили походами до Самарканда, Кашгара, Турфана и в Западный Китай.

За тысячелетия в Тибете сложился особый образ жизни. Страна была полностью изолирована от внешнего влияния. Людям приходилось выживать в одном из самых суровых климатов на Земле (в Тибете можно получить одновременно обморожение и солнечный удар). Приспособление к жизни на высокогорье привело к тому, что, попадая на равнины Индии или Китая, тибетцы чувствуют себя плохо (горная болезнь наоборот). Неудивительно, что у тибетцев более высокий порог боли, чем у других людей.

Возможно, больше всего в Тибете западных путешественников привлекало то, что время там как бы остановилось. До прихода китайцев у них не было электричества, радио, часов, швейных машин и даже колёсного транспорта. Даже в 1930-е гг. оценка численности населения Тибета была весьма приблизительной, варьируясь от 1 до 4 млн. человек, тем более что до половины населения — кочевники. В конце XX в. численность оценивали в 1,8 млн. человек, что означало плотность населения менее 4 человек на кв. милю¹. Это объясняется исключительно неблагоприятными условиями ландшафта, высокой детской смертностью, полиандрией, болезнями и распространённым целибатов в обществе, где 1 мужчина из 6 жил в монастыре.

Особенно суровыми условиями отличается пустынное плато Чангтанг на севере страны, где температура порой падает до -44° С. К этому добавляются яростные ветра, которые могут сбить всадника с лошади. Вместе с тем воздух настолько чист, что можно увидеть человека за 10 миль. Эти районы так неблагоприятны даже для кочевников, что один западный путешественник проехал 81 день, не встретив ни души.

Большинство населения Тибета сосредоточено в четырёх крупнейших городах: Лхаса, Шигацзе, Гьянцзе и Чамдо. В Тибете берут начало несколько великих рек Азии: Хуанхэ, Янцзы, Меконг, Салуин, Брахмапутра и Инд. Истоки трёх из них отстоят друг от друга всего на 50 миль, а их ущелья местами столь глубоки, что солнце заглядывает туда всего на час.

Название «Тибет» Запад заимствовал у арабских географов, которые называли страну *Туббат*, или у китайцев, которые в древности знали её как *Ту-бат*. Возможно, это искажение китайского слова *то* «высокий» и тибетского слова *Бод* — самоназвание страны. Последнее, вероятно, происходит от названия *бон* — шаманистской религии тибетцев до прихода буддизма. Сами тибетцы ещё употребляют название Гангдзонг «Страна снегов», а китайцы — Сицзан.

Буддизм достиг Тибета в середине VII в. и способствовал ослаблению воинственности народа. Правда, религия бон так и не была полностью искоренена, а тибетский буддизм многое заимствовал из её пантеона и из других религий, включая христианство несторианского толка. Тибетский буддизм (иногда называемый ламаизмом) едва ли был бы узан своим основателем. По преданию, первый монастырь построен около 775 г., а общее количество монастырей достигло пример-

¹ Ibid. P. 8.

но 2700¹. Один ранний путешественник назвал Тибет «огромным монастырём, населённым народом монахов». Каждая тибетская семья должна была отдать одного ребёнка церкви. До XV в. страной правила династия царей при поддержке направления монахов-красношапочников. В XV в. их при поддержке монголов вытеснили монахи-желтошапочники, которых возглавил далай-лама I. К середине XVII в. переход власти от царей к далай-ламам завершился, и Тибетом правил далай-лама V, построивший всемирно известный дворец Поталу. Он же создал институт панчен-ламы (таши-ламы), резиденция которого находится в монастыре Ташилхунпо близ Шигацзе. Далай- и панчен-ламы считаются реинкарнациями разных аспектов Будды; панчен занимался духовными делами, а далай ещё и был правителем страны.

Когда умирал далай-лама, искали его преемника-перевоплощение. Мальчик должен был обладать особыми мистическими качествами (например, способностью узнать вещи своего предшественника), иметь большие уши и т.д. Успешного кандидата в возрасте 2–3 лет увозили в Лхасу для духовного обучения будущей роли. Так же искали панчен-лам. Перевоплощения неизменно обнаруживали в домах простолудинов — чтобы ни одна знатная семья не могла сделать титул наследственным. До 18 лет светские обязанности далай-ламы выполнял регент. Некоторые регенты не собирались передавать власть, и подозрительно большое число далай-лам умерли до достижения 18-летнего возраста. Не все далай-ламы своим образом жизни являли образец святости.

В уникальной теократии Тибета религиозные верования неразрывно переплетались с повседневной жизнью. В каждом жилище было место для предметов культа, а кроме монастырей страна была усеяна тысячами *чорте*нов — буддийских ступ (почти все уничтожены в ходе «культурной революции»). Использовались молитвенные флаги, каждое колыхание которых, по поверьям, отправляло написанную на нём молитву к небесам. Другое изобретение тибетцев — молитвенное колесо, состоящее из металлического цилиндра с длинным свитком, на котором бесчисленное количество раз написана молитвенная формула *Ом мани падме хум!* «О, сокровище в лотосе!»; каждый поворот цилиндра считается прочтением всех молитв в нём.

Верующие порой доводили себя до крайности самоистязания, замуровываясь в пещерах. Другим суровым ритуалом было совершение паломничества с постоянным падением ниц. Иные для подвижничества носили с собой тяжёлые камни. В Тибете распространены рассказы о сверхъестественных способностях святых, которые могли воскрешать мёртвых и совершать другие чудеса. Как почти всё остальное в этой стране, суровыми были и наказания.

«Однако, несмотря на суровость и жестокость жизни в Тибете, где угрожали не только демоны и деспотические ламы, но и землетрясения, оспа, волки и разбойники, путешественники во все периоды истории всегда находили тибетцев исключительно привлекательным народом. Отличающиеся грубоватым юмором, они демонстрировали свои гостеприимство и надёжность. Вообще говоря, они были удивительно сдержанны в отношении незваных гостей. Однако если они чувствовали угрозу и подвергались воздействию зажигательных речей лам, тибетцы могли быть свирепыми и безжалостными, даже если их оружие и тактика были средневековыми. Также они могли быть исключительно храбры»².

¹ Ibid. P. 13.

² Ibid. P. 18–19.

«Ничто не останавливало тех предприимчивых путешественников, которые, во многом воодушевлённые успехом пандитов (см. выше. — *К.Ф.*), поставили себе целью проникнуть в Тибет и, если это в человеческих силах, достичь Лхасы. Более того, чем больше трудностей возникало на их пути, тем более притягательной казалась задача. Среди британских пограничных офицеров желанию посетить эту таинственную, но запретную страну в близком соседстве предстояло стать “профессиональной болезнью”, как выразился один историк этого периода... Они происходили из девяти разных стран и пробирались в Тибет почти со всех сторон света. Все кроме одного — японца — были белыми, и все были людьми исключительной решительности и мужества. Три из самых отважных были женщинами. Никто ни на миг не сомневался в своём праве стать в Тибете незванным гостем — и менее всего первый участник гонки, полковник императорской русской армии Николай Пржевальский»¹.

В 1878 г. Пржевальский проник в Тибет с севера через плато Чангтанг. Лхасы стали достигать слухи, что русская экспедиция — авангард царской армии, цель которой — похитить далай-ламу. В 150 милях от столицы Пржевальского остановили два тибетских чиновника. На тибетцев не произвёл впечатления добытый царём для Пржевальского китайский пропуск. После препирательств Пржевальский уступил, так как даже с семью казаками и современными ружьями не смог бы пробиться в Лхасу силой. Через четыре года он вновь выехал к заветной цели, но близ озера Иссык-Куль умер.

В 1888 г. в Тибет с востока отправился американец Уильям Рокхилл. Убеждённый, что пришелец с Запада может достичь тибетской столицы лишь тайком, он надел китайское платье и надеялся, что его неазиатские черты лица объяснят принадлежность к одному из национальных меньшинств Китая. Со слугой-китайцем Рокхилл добрался до территории между собственно Китаем и Тибетом и пожил в монастыре Кумбум, выдавая себя за паломника и собирая сведения о тибетцах и их религии. Однако достичь Лхасы ему не удалось: из-за огромных расстояний не хватило денег на дорогу. Менее чем через два года он совершил вторую попытку и этот раз подобрался к Лхасе на 110 миль, но тибетцы отправили его назад. Позднее Рокхилл стал послом США в Пекине, Петербурге и Стамбуле.

Зимой 1888–1889 гг. в Ладакх прибыл английский священник Генри Лэнсделл, который вёз письмо «великого ламы Запада» (архиепископа Кентерберийского) «великому ламе Востока». Однако ему не удалось отправить это письмо, а когда он перебрался в Пекин, британский посол отговорил его от идеи поездки, так как это ухудшило бы непростые англо-тибетские отношения (только что произошла стычка на границе).

Француз Габриэль Бонвало проник в Тибет с севера в компании принца Генриха Орлеанского и бельгийского миссионера Дедекена. В условиях высокогорья и зимы путь был весьма трудным. На расстоянии всего 95 миль от Лхасы экспедицию остановил отряд тибетцев, и французам пришлось покинуть страну.

В 1891 г. из Ладакха в Тибет тайно проникли два офицера индийской армии Х. Боуэр и У. Торолд. Цель поездки была разведывательной. Какое-то время им удавалось скрывать свою национальность, но затем их остановили и пришлось вернуться, хотя британцы настояли на возвращении не прежним путём, а через восточ-

¹ Ibid. P. 57–58.

ную границу. В отчёте о путешествии Боуэр описал, как управляется Тибет, как выбирают далай-лам, разобрал обороноспособность страны.

Следующей (1892 г.) была англичанка Энни Тэйлор, которая исповедовала пресвитерианство и мечтала проповедовать Евангелие в языческой столице. Проводника она выбрала на редкость неудачного — китайца, который по пути стал вымогать у неё деньги, угрожая разоблачить, а потом так и сделал. Всего в трёх днях от Лхасы её и её последователя-тибетца остановили, и после шести дней споров с чиновником ей предоставили сопровождение, лошадей, палатку и пищу для обратного пути до Янцзы.

В 1893 г. из Китайского Туркестана в Тибет проник французский исследователь Жюль Дютрей де Ренс вместе с востоковедом Фернаном Гренаром. В шести днях пути от Лхасы их тоже остановили, и путники отправились к границе с Китаем, но в одной деревне (по-видимому, из-за высокомерного обращения с жителями) на французов напали, и де Ренс погиб.

Происшедшее лишь усилило притягательность Лхасы для путешественников: не прошло и года, как туда отправился английский землевладелец Сент-Джордж Литлдэйл с женой и племянником. В Тибет экспедиция проникла с севера в апреле 1895 г. Экспедиция двигалась только ночью, высылая лазутчиков. Расчётом Литлдэйла было двигаться так быстро, чтобы у тибетцев не осталось времени собрать ополчение, чтобы преградить им путь. Отряды тибетцев перекрыли путь всего в дне пути от столицы, но заболела жена Литлдэйла и пришлось повернуть.

Если верить рассказу колоритного путешественника Генри Сэвиджа Лэндора, то рядом с ним приключения остальных блекнут. В 1897 г. он пересёк границу Тибета и с двумя слугами двигался вдоль Цангпо к Лхасе. Их схватили тибетцы (возможно, тоже сыграла роль надменность Лэндора) и подвергли изощрённым пыткам, но затем отпустили. Правда, профессиональные альпинисты и картографы в Британии усомнились в достоверности его рассказа.

Самым юным путешественником в Тибете был Чарлз Рейнхарт, которому, когда его родители-миссионеры весной 1898 г. отправились в Лхасу, было всего 11 месяцев. Петрус Рейнхарт и его жена-канадка Сьюзи собирались в Тибете проповедовать. В пути лёгкие маленького Чарлза не выдержали разреженного воздуха высокогорья, и он умер. Позднее бандиты увели почти всех пони, а Петруса убили.

В 1901 г. в Лхасу прибыл настоятель японского буддийского монастыря Кавагути Экаи. Ему удалось прожить там инкогнито 14 месяцев: его преимуществом было то, что он был азиат и буддист. Одновременно с ним в Лхасе побывал японский разведчик Нарита Ясутеру: Японию начинала беспокоить активизация России в Азии. Кавагути тоже выполнял функции разведчика и передавал сведения британскому агенту Сарат Чандре Дасу. В неверно названной книге «Три года в Тибете» Кавагути подробно описал жизнь в этой стране от монастырского быта до погребальных обрядов.

«Однако, будучи вооружены лишь фитильными ружьями и саблями, тибетцы не могли надеяться не пускать в Лхасу любопытных жителей Запада неопределённое время. Следующий незванный гость — победитель в этой необычной гонке — проложил себе путь туда пулями во главе армии»¹. Речь идёт об экспедиции Янгхазбенда, о которой рассказано выше.

¹ Hopkirk P. Trespassers on the Roof of the World... P. 158.

7. Вступление Германии в Большую Игру

Классический период англо-русской Большой Игры пришёл к концу в 1907 г., который ознаменовался конвенцией по Ирану, Афганистану и Тибету. Две державы сблизилась для противодействия общему врагу — Германии. Последняя, когда началась Первая мировая война, включилась в Большую Игру в качестве нового участника.

Летом 1914 г., когда кайзер Вильгельм II понял, что крупно ошибся, рассчитывая на нейтралитет Британии, он решил развязать против неё священную войну мусульман. По замыслу кайзера, следовало объединить народы Османской империи, Кавказа, Ирана и Афганистана против британцев, а это позволило бы вырвать из их рук Индию. По сути, как заметил немецкий историк Ф. Фишер, это было всего лишь «продолжение иными средствами» агрессивной восточной политики, какую Вильгельм вёл ещё с 1890-х гг. Замысленная в Берлине, но развязанная из Стамбула, эта священная война была новой, более зловещей версией Большой Игры.

Ключевым был союз с османским султаном¹, который в своей ипостаси халифа всего исламского мира имел авторитет издать приказ о начале священной войны. Наиболее уязвимыми в таком случае действительно оказывались британцы, поскольку под их властью находилось численно больше мусульман, чем где-либо ещё в мире. Никогда прежде в Новое время священная война не объявлялась против европейской державы, и никто не знал, чего ожидать. Если бы мусульмане задались вопросом: «Что делает христианский государь, разжигая и обеспечивая средствами священную войну против своих единоверцев?», у советников Вильгельма ответ был готов. В мечетях и на базарах Востока пустили слух, будто кайзер тайно принял ислам и инкогнито совершил паломничество в Мекку («хаджи Вильгельм Мухаммад»).

Ещё в 1835 г. военным советником османского султана был назначен прусский капитан Хельмут фон Мольтке. Его задачей было помочь туркам модернизировать армию по прусскому образцу, хотя из этого мало что вышло. Вернувшись в 1839 г. в

---

¹ Точнее, шахом. Титулом «султан» применительно к правителю Османской империи широко пользовались европейцы, но ещё в середине XV в. тот принял более пышный персидский титул «шах» (не переставая, впрочем, быть султаном — это две параллельные традиции власти, иранская и арабомусульманская). — К.Ф.

Берлин, Мольтке просил начальство присмотреться к Османской империи, так как она созрела для проникновения туда немцев. Её можно было связать с Берлином и в экономическом и в военном плане с помощью железной дороги через Балканы, что позволило бы обойти контролируемые британцами морские пути. Кроме того, Мольтке назвал Палестину и междуречье Тигра и Евфрата идеальными странами для колонизации энергичными немцами.

В 1846 г. политэконом Фридрих Лист писал, что западные берега Чёрного моря и северная половина Турции представляют собой удобный объект для немецких колонистов. Ему вторил профессор Лейпцигского университета Вильгельм Рошер, который считал, что после распада Османской империи азиатская Турция должна по праву принадлежать немецкому народу.

В то время эти идеи были только мечтами, поскольку немецкий народ был политически разобщён в самой Европе. Однако после объединения Германии в 1871 г. ситуация изменилась. Более того, немцы настаивали, что нуждаются в *Lebensraum* острее, чем другие европейские державы, так как те уже обзавелись заморскими территориями. Германия подросла к «драке за Африку» 1880–1890-х гг., всего за год прихватив Камерун, Юго-Западную и часть Восточную Африки (позднее к ним добавились часть Новой Гвинеи и Самоа в Тихом океане). Однако мало кто из немцев был готов эмигрировать в тропики. Всего в колонии переселилось не более 20 тыс. поселенцев; большинство эмигрантов из Германии уезжали в США¹. Всё больше немцев попадали под влияние Пангерманской лиги и других патриотических организаций, твердивших, что экономическое будущее лежит на богатых и редкозаселённых османских территориях.

Канцлер Бисмарк не поощрял экспансионистов, избегая конфликтов с европейскими державами, но дела пангерманистов пошли в гору, когда на престол в 1888 г. вступил ярый экспансионист Вильгельм II. Германия начала активно осваивать Османскую империю экономически. Параллельно её осваивали немецкие путешественники, которые проникали в отдалённые районы под маской археологов и антропологов. Одним из наиболее энергичных был востоковед Макс фон Оппенхайм. Кайзер воспользовался непопулярностью Абд-ул-Хамида в Европе из-за резни армян в 1894 и 1896 гг. и на фоне его изоляции протянул ему руку дружбы, а в 1898 г. посетил Османскую империю с государственным визитом. Главной целью визита было обеспечить Германии концессию на строительство Багдадской железной дороги. Султан увидел в этой дороге свою выгоду — средство сохранять владычество над отдалёнными территориями империи.

В Европе отношения Британии и Германии становились всё напряжённее. Главной причиной была тревога британцев по поводу военно-морского флота кайзера. Беспокоились и русские. Они с тревогой наблюдали за растущим влиянием Берлина в Стамбуле, подозревали кайзера в притязаниях на богатый минералами Кавказ. Однако англо-русская конвенция 1907 г. лишь «облегчила *Drang nach Osten*. Ведь обнаружив унижительный факт, что их “поделили” между Британией и Россией, даже не посоветовавшись, острую враждебность к этим двум державам стали испытывать персы. Естественно, немцы не преминули в полной мере этим восполь-

¹ Hopkirk P. On Secret Service East of Constantinople: The Plot to Bring down the British Empire. L.: John Murray, 1994. P. 12.

зоваться. Такое же недовольство ощущали в Афганистане, с которым тоже не посоветовались. Это немцы тоже в своё время попытаются обратить к своей выгоде»¹.

За несколько лет до войны работавший в Каире фон Оппенхайм подал своему начальству в министерстве иностранных дел тайный меморандум, в котором показал, как в случае войны можно использовать воинствующий ислам к выгоде Германии. Когда началась война, его вызвали в Берлин и дали задание подготовить конкретный план. Другим сторонником развязывания священной войны был начальник генерального штаба генерал Хельмут фон Мольтке, племянник того Мольтке, который впервые привлёк внимание к возможностям для Германии на Востоке. Он стоял за разжигание восстаний в Индии и на Кавказе. В выполнимости плана не сомневался Свен Гедин, который с началом войны предоставил в распоряжение Вильгельма свои глубокие знания о Востоке. В немецком истеблишменте идея получила поддержку, в частности, от «стального короля» Августа Тиссена, который хотел вырвать из рук британцев Индию с её сырьём.

На Вильгельмштрассе (в министерстве иностранных дел Германии) подготовкой плана ведал заместитель министра Артур Циммерманн, поэтому проект стал известен как План Циммерманна. Базой, из которой началось осуществление этого проекта, стало немецкое посольство в Стамбуле. За два дня до начала войны между Британией и Германией немецкий посол Вангенхайм подписал тайное военное соглашение с прогерманской группой в Стамбуле во главе с Энвер-пашой. Энверу для вступления в войну требовалось 3–4 месяца, в течение которых он собирался мобилизовать силы и подготовить народ к непопулярной войне. Османскую империю Британия во многом оттолкнула тем, что первый лорд адмиралтейства У. Черчилль неожиданно реквизирует два османских военных корабля, которые строились на верфях Британии.

Через три недели после присоединения Османской империи к воюющим странам султан объявил Британии и её союзникам священную войну. Сам он был марионеткой младотурецких лидеров. Для Энвера это было начало реализации мечты о пантюркской империи от Стамбула до китайской границы. Целью священной войны было разжечь на исламских территориях под британским и русским правлением крупные восстания и убедить мусульманские части британской и русской армий не сражаться против Османов и немцев. Тысячи листовок на арабском печатались в Стамбуле для транспортировки контрабандой в Индию, Египет, на Кавказ, в Среднюю Азию.

Значение этого инструмента войны немцы всё же переоценивали. Так, Вангенхайм считал, что одна угроза восстания мусульман Британской империи заставит Британию бросить Бельгию и Францию на произвол судьбы. Хотя план священной войны принадлежал кайзеру, Энвер быстро оценил его и предложил Берлину отправить в Иран и Афганистан совместную немецко-османскую миссию. Осенью 1914 г. немцы стали набирать такую группу. В неё вошли дипломат Вильгельм Вассмусс, имевший несколько лет опыта работы на Востоке (был немецким консулом в Бушире, бегло говорил на фарси и по-арабски, поездил среди племён Южного Ирана), капитан Оскар фон Нидермайер, который тоже с разведывательными целя-

¹ Ibid. P. 34–35.

ми посещал Иран, Белуджистан и Индию. По словам современника, благодаря своей жёсткости, безжалостности и находчивости Нидермайер относился к тому типу людей, которые делали германскую армию почти непобедимой. Вассмуссу и Нидермайеру предстояло стать немецкими Лоуренсами¹. Отобранные сопровождать их офицеры и сержанты обладали специальными навыками или опытом жизни в тропиках. Точная численность миссии неясна, но британская разведка идентифицировала 84 имени.

В это же время в Индию из США отправились суда с сикхскими революционерами из организации Гхадр, созданной эмигрантом Хар Даялом. Сикхи собирались раствориться в Индии до нужного момента, а затем по сигналу начать восстание, пустив в ход контрабандное немецкое оружие. К декабрю 1914 г. в Индию въехали около тысячи эмигрантов-сикхов из США, Канады, Шанхая, Гонконга. Однако сохранять конспирацию было трудно, и британские власти приняли меры (400 человек задержали, 2500 ограничили передвижение). Большое количество оружия и боеприпасов было найдено на борту немецкого судна, которое отправлялось на Восток из Италии, но было интернировано властями.

В феврале 1915 г. революционеры на тайном собрании в Лахоре выработали план восстания. Предполагалось привлечь недовольные части индийской армии. Агитаторы Гхадра распространяли в казармах слухи о том, что Германия непобедима, британцы заставят сикхов обрезать свои традиционно длинные волосы, а индийские части на Западном фронте пускают в бой впереди британских. Были подготовлены декларация независимости и трёхцветные флаги будущей республиканской Индии. Однако британцы благодаря агенту в рядах заговорщиков узнали о подготовке выступления и провели массовые аресты, подавив его в зародыше. Перед трибуналами предстали 175 революционеров, из них 18 были повешены².

Между тем дела Четверного союза на войне шли неважно. Франция вопреки ожиданиям кайзера и его генералов не пала, и немцы застряли на статичном фронте. За два первых месяца войны они недосчитались Самоа и Новой Гвинеи, которые были заняты австралийцами и новозеландцами. Затем Япония отняла у Германии китайский порт Циндао, а британцы и французы — африканские колонии. Османов постигла крупная неудача на Кавказе. Энвер лично возглавил наступавшую на Кавказ 90-тысячную армию, но она испытала трудности с подвозом продовольствия и боеприпасов, была плохо экипирована для зимней кампании. Наступление турок на городок Сарыкамыш сопровождалось крупными потерями от обморожений. Османская армия отступила; выжили всего 15 тыс. человек³.

В это же время второй член младотурецкого триумvirата Джемаль-паша потерпел неудачу в нападении на британский Египет. По сути он собирался выкроить для себя империю на Ближнем Востоке с центром в Египте так же, как Энвер — в Центральной Азии. Первой целью Джемалья был Суэцкий канал. В феврале 1915 г. Джемаль совершил нападение, но вопреки его ожиданиям египетское население

¹ Имеется в виду Томас Лоуренс «Аравийский», знаменитый британский разведчик, который в годы Первой мировой войны сыграл ключевую роль в разжигании восстания арабов Хиджаза против Османского султаната. — К.Ф.

² Hopkirk P. On Secret Service East of Constantinople... P. 82–83.

³ Ibid. P. 76.

(пусть в значительной мере и настроенное антибритански) не желало возвращения жёсткой власти Османов. Не удалось Джемало и заставить британцев врасплох. Он отступил, потеряв 2 тыс. человек.

По прибытии немецкой миссии в Стамбул Вассмусс рассорился с её другими членами и поехал отдельно. Он собирался поднять вождей племён Южного Ирана на борьбу с британцами, после чего соединиться с миссией в Афганистане. В эту страну он так и не попал, но британским интересам в Иране навредил изрядно.

Турки потеряли к экспедиции интерес, и немцы под началом Нидермайера отправились самостоятельно. В Берлине в феврале 1915 г. министерство иностранных дел создало Индийский революционный комитет, придав ему полный посольский статус и устроив ему закупки вооружений (30 тыс. американских ружей и пистолетов). Немцы решили подкрепить миссию Нидермайера присутствием в ней видного индийца, который обратился бы к своим соотечественникам и просил бы афганского амира Хабибуллу помочь извлечь Индию от британцев. Для этой цели был выбран живший в Швейцарии раджа Махендра Праатап. А поскольку Нидермайер лишился в лице Вассмусса авторитетного дипломата, на смену ему из Берлина прислали Вернера Отто фон Хентига, который имел опыт путешествий по Азии. В миссию включили и видного революционера-мусульманина Мухаммада Барака-туллу. Экспедиция везла Хабибулле подарки (золотые часы и ручки, бинокли, фотоаппараты и т.д.), призванные демонстрировать превосходство немецкой инженерии. Также миссия везла личные письма Хабибулле от кайзера и османского султана и 27 писем немецкого канцлера махарадже Непала и индийским князьям.

Что касается Вассмусса, то он весной 1915 г. достиг побережья Персидского залива и приступил к действиям. Одетый в персидскую одежду, бегло говоря на фарси и выставляя себя новообращённым мусульманином, он начал поднимать племена на борьбу с британцами, чтобы заставить тех либо уйти из Залива, либо отвлечь сюда войска. Племена нападали на посты британской армии в Южном Иране. Убеждать их почти не пришлось, так как оккупировавшие юг страны британцы положили конец прибыльной контрабанде оружия из Персидского залива на северо-западную границу Индии. Вассмусс убеждал простодушных иранцев, что кайзер принял ислам, а сам он регулярно контактирует с ним по радио. Для этого он ставил представления: надевал наушники, выдвигал какую-то антенну и с помощью магнита вызывал искры в темноте, утверждая, что получает «личные послания» от кайзера к конкретным вождям племён. Однажды британцам удалось завлечь Вассмусса в ловушку, но тому удалось бежать. Однако ему пришлось бросить свои вещи, включая книжку с кодами шифров, которыми пользовались немецкие дипломаты. Она достигла Лондона и стала для британцев настоящей находкой, возможно, повлияв на исход войны (см. ниже).

Главными союзниками Вассмусса стали воинственные тангистанцы — племя, контролировавшее побережье вокруг Бушира. Вассмусс сыграл на соперничестве тангистанцев с их северными соседями бахтиарами: последние получали от британцев субсидию за то, что не мешали перевозкам нефти с месторождений Англоперсидской компании. Главным противником Вассмусса был генерал-майор сэр Перси Кокс — британский резидент и главный политический офицер экспедиционных сил в Басре.

Для военных в Индии перспектива присоединения Афганистана к священной войне была кошмаром. Войска Ирана они не воспринимали всерьёз; войска Афганистана — дело другое. Если бы Афганистан объединился с Германией и Османской империей, это могло повлиять на исход войны. В мирное время индийская армия справилась бы с угрозой, но существовали другие театры военных действий и в Индии не хватало войск.

Вице-король Индии лорд Хардинг в телеграмме британскому консулу в Мешхеде заявил, что исключительно важно не пропустить какую-либо немецкую миссию в Афганистан. Так возник Восточно-персидский кордон — линия патрулирования казаками и кавалерийскими частями индийской армии границы Ирана с Афганистаном и Белуджистаном (секторы двух держав соприкасались в Бирджанде). Правда, кордон не гарантировал 100%-ного успеха. Британский сектор границы растянулся на 500 миль по пустыням и горам. Закупорить его полностью не было возможности: для этого потребовались бы тысячи солдат. Кроме военного кордона британцы создали сеть платных местных информаторов, которые должны были следить за иностранцами.

Нидермайер и его группа выехали из Исфохана на восток в июле 1915 г. На тысячу миль перед ними лежала одна из наиболее неблагоприятных зон в мире — пустыня Дешт-е-Кавир. Миссия состояла из сотни всадников: дюжина немецких офицеров и сержантов и эскорт персидских наёмников. Несколько немцев были посланы вперёд, чтобы разведывать дорогу и покупать у племенных вождей безопасный проезд. Ситуацию осложняло соперничество Нидермайера и Хентига: первый был военным руководителем экспедиции, а второй дипломатическим, но каждый считал себя выше. К трудностям пути добавлялось то, что местность кишела змеями, и приходилось отправлять вперёд людей с плетью, чтобы расчистить дорогу. Иногда лагерь осаждали гигантские скорпионы, которые, спасаясь от жары, заползали в одежду. К этому добавлялись полчища насекомых. Иногда по утрам температура в тени превышала +40°C.

Между тем в Османской империи росли подозрения относительно истинных намерений Германии на Востоке. Задавали вопрос: не войдёт ли Турция после победы в новую Германскую империю от Берлина до Бирмы с султаном-императором Вильгельмом во главе? Почти во всех своих неудачах турки вскоре стали винить немцев.

В октябре 1915 г. немецким послом в Стамбуле стал главный архитектор священной войны Макс фон Оппенхайм, и она активизировалась: из Берлина везли большие количества оружия, золота и пропагандистской литературы, которые распространяли в Иране. Правда, не все немецкие советники в османских вооружённых силах были убеждены в целесообразности священной войны. Многие (например, доктор Х. Штурмер) считали её пустой тратой людских и денежных средств, да ещё чреватой отрикошетить по немцам.

Однако для британцев опасность, какую представляла священная война, становилась достаточно реальной. На значительной части территории Ирана немцы расширяли контроль день за днём. К осени 1915 г. их количество в стране выросло до 300. На их содержании находились около тысячи персидских наёмников и некоторое число дезертиров из индийской армии. В их руки попали 7 из 17 филиалов Им-

перского банка Персии¹. Во многих местах немцы захватывали телеграф. Пронемецкая жандармерия Ирана не мешала им. Лишь на подконтрольном России севере Ирана немецким агентам не давали развернуться казаки.

В 50 милях от Бирджанда группа лейтенанта Вагнера ночью была атакована казачьим патрулем. Надежда Нидермайера была в том, чтобы найти щель в кордоне и проскользнуть между патрулями. Отправив небольшую группу на юго-восток от Бирджанда и пустив слух, будто основная часть экспедиции следует за ней, Нидермайер повернул на север, выбрав для пересечения границы особенно суровую пустынную местность.

2 октября 1915 г. миссия Нидермайера достигла Кабула. Узнав, что немцы проскользнули-таки в Афганистан, в Уайтхолле решили действовать. Хотя сообщение между британским правительством и амиром Афганистана обычно шло через вице-короля Индии, на этот раз ему написал сам король Георг V. Он поблагодарил амира за дружбу и заверил, что победа союзников не за горами. Вице-король в сопутствующем письме сообщил амиру, что британцы увеличивают его ежегодную субсидию на 25 тыс. ф. ст. Британцы пытались нейтрализовать возможное влияние немцев.

Внешне Хабибулла принял немецкую миссию весьма тепло, но не выдавал своих настоящих настроений и не торопился соглашаться. Вскоре он призвал официального агента правительства Индии (мусульманина) и заверил его в лояльности британцам, но предупредил, что не может демонстрировать её открыто, опасаясь обвинений в предательстве веры. Недели шли, и немцы начали понимать, что мир не собирается вступать в войну, а намерен в последний момент присоединиться к победившей стороне. Так же считали некоторые чиновники вице-короля.

В Ширазе Вассмусс организовал арест персидской жандармерией штата британского консульства. В Тегеране шло перетягивание каната. 11 ноября 1915 г. британский и русский послы заверили шаха, что русские войска в Иране лишь защищают посольства Антанты от пронемецких элементов. Они предостерегли, что вступление Ирана в войну на стороне Германии повлечёт катастрофические последствия для страны и шаха. 15 ноября немецкий посол принц Генрих Прусский и штат посольства пошли ва-банк: покинули Тегеран, уверенные, что шах последует за ними. Однако когда шах уже велел седлать коня, один уважаемый родственник убедил его, что оккупация русскими Тегерана будет означать конец династии. В Тегеране Германия проиграла. Однако в Куме возник пронемецкий Комитет национальной обороны, который забросал страну официальными телеграммами, объявив, что в столице революция и британский и русский послы бежали. Жандармерия захватила Хамадан.

Между тем в Сингапуре ещё в июне 1915 г. был арестован прибывший туда под маскировкой немецкий офицер Винсент Крафт. У него нашли карту Бенгалии с какими-то пометками на берегу. На допросе он рассказал о немецких планах. Если бы не его арест, Рождество 1915 г. ознаменовалось бы резнёй британской общины в Калькутте. В июле перевозившая индийским повстанцам оружие шхуна «Генри С» странным образом потерпела кораблекрушение и была вынуждена зайти в порт на

¹ Ibid. P. 133–134.

Сулавеси, где голландцы обыскали её и нашли оружие. Второе судно загадочным образом пропало в море. Ко всему этому приложили руку британцы благодаря информации Крафта. Вскоре власти Сиам схватили несколько сот индийских и бирманских боевиков, сорвав планы Берлина поднять восстание в Бирме. 15 декабря полиция арестовала более 300 заговорщиков в Калькутте и Бирме.

Хабибулла по-прежнему медлил. Когда немцы в третий раз пригрозили уехать, он заявил, что рассматривает их предложение заключить договор о дружбе с Германией. Последовало обсуждение условий этого договора, что опять заняло много времени — возможно, как и планировал амир. В середине января 1916 г. черновик договора был готов. Германия признавала полную независимость Афганистана и обязывалась позаботиться о том, чтобы Афганистан был представлен на послевоенной конференции. Немцы обещали безвозмездно снабдить амира 100 тыс. современных ружей, 300 пушками и другими военными материалами, а также передать ему 10 млн. ф. ст.¹ Однако для вступления договора в силу его должны были подписать не только амир, но и министр иностранных дел кайзера, так как у Хентига не было на то полномочий.

Через несколько недель амир начал разворот на 180 градусов. Отправленные им в Иран эмиссары для переговоров с немцами были отозваны, а при дворе была проведена чистка от пруссаков чиновников. Наконец он сообщил немцам, что вступит в священную войну, только если к нему на помощь подойдёт турецко-немецкий корпус численностью не менее 20 тыс. солдат. На письмо Георга V Хабибулла ответил, повторяя заверения в лояльности.

Для миссии Хентига то был окончательный удар. Причиной перемены поведения Хабибуллы могли быть вести о победах Антанты в Азии. В феврале 1916 г. русские войска очистили Северо-Западный Иран от турок, немцев и их персидских сторонников и углубились в Восточную Турцию. Для Османской империи это была катастрофа. Ну а британцы могли вздохнуть спокойно: потеря турками Эрзерума устранила непосредственную угрозу Египту.

В апреле 1916 г. немецкая подрывная деятельность в Иране прекратилась. Вскоре британцы восстановили контроль над Ширазом и Керманом. На свободе оставался лишь Вассмусс, который продолжал удерживать заложниками членов британского консульства. Правда, 29 апреля 1916 г. более 9 тыс. англо-индийских солдат генерала Ч. Тауншенда сдались в Куте, что Энвер-паша объявил великой победой в священной войне.

Единственной заботой миссии Нидермайера и Хентига теперь было вернуться в Европу. Кабул они покинули 21 мая 1916 г., вновь разделившись на две группы. Нидермайер поехал на запад к иранской границе, а Хентиг — на восток через Памир в Китайский Туркестан. Нидермайеру удалось добраться до Тегерана, а оттуда в Берлин, где его лично наградили кайзером. Когда через несколько месяцев домой вернулся и Хентиг, он был очень недоволен, что вся слава досталась Нидермайеру. Хентиг умер в 1984 г. на 97-м году жизни, а Нидермайер — за 40 лет до него в советском ГУЛаге.

Вассмусс оставался в Иране до конца войны, ещё пытаясь поднимать племена. Наконец его схватили власти и выдали британцам. Кёрзон и другие хотели су-

¹ Ibid. P. 192.

дять его за военные преступления, но ему позволили вернуться в Германию. Через несколько лет, узнав, что он нарушил данные во время войны обещания тангистанцам, Вассмусс вернулся в Южный Иран, чтобы научить их современным методам ведения хозяйства. Однако затея провалилась и Вассмусс вернулся на родину, где вскоре умер в бедности.

В июне 1916 г. шариф Мекки Хусейн высунул ружьё из окна своего дворца и произвёл единственный выстрел по находившимся напротив османским казармам. То был сигнал к арабскому восстанию против султана. Это восстание исходно было назначено на август, но его перенесли на два месяца раньше, поскольку к Мекке двигалась мощная османская колонна в сопровождении внушительной немецкой миссии. Британцы опасались, что эти силы создадут угрозу их угольной станции в Адене и установят стратегические связи с немецкими войсками в Восточной Африке. Когда Томас Лоуренс и его товарищи начали подстрекать арабов на восстание, чиновники в Лондоне и Дели смотрели на это скептически. Они опасались, что турки сделают ответный шаг — будут поднимать недовольных британской властью мусульман и индуистов в Индии. Правда, вскоре Британия и Франция тайно договорились разделить арабские территории после войны, а министр иностранных дел А. Бальфур обещал британскому сионисту лорду Ротшильду создать в Палестине еврейский национальный очаг.

Через два месяца после отъезда миссии Нидермайера – Хентига из Кабула серия восстаний вспыхнула в русской Средней Азии. Если бы немцы знали, что зреет на севере, они попытались бы управлять событиями, так как, возможно, то была та самая искра, высечь которую им так и не удалось в Афганистане. Непосредственной причиной восстания стала трудовая мобилизация. 4 июля 1916 г. толпа забросала камнями полицейский участок в городе восточнее Самарканда¹; её отогнали, перебив или ранив 30 человек. Власти Туркестанского края объявили военное положение, и казаки подавили разрозненные выступления плохо вооружённых повстанцев. Вместе с тем русская администрация согласилась отсрочить мобилизацию трудовых ресурсов до уборки урожая хлопка.

После капитуляции в Куте в апреле 1916 г. британцы готовили в Междуречье реванш. В декабре вверх по Тигру на Багдад вновь пошла армия. Она была значительно больше (150 тыс. человек), а командовал ею опытный генерал сэр Стэнли Мод. В марте 1917 г. он занял Багдад. Взятие этого города было важным стратегическим приобретением, так как позволяло британцам надёжно закупорить пути через Иран в Афганистан, Индию и Среднюю Азию. Вести о захвате конечного терминала Багдадской железной дороги были крахом надежд кайзера².

¹ Это был Ходжент (нынешнее написание — Худжанд). — *К.Ф.*

² Активность Германии (Второго и Третьего Райхов) на Ближнем и Среднем Востоке известна достаточно хорошо. Менее известен интерес, который проявляла Германия к Центральной Азии эпохи Большой Игры: немцы рассчитывали обратить чужое соперничество в свою пользу, попытаться стать «третьим радующимся». Об этом повествует недавнее добротное исследование: Mark R.A. Im Schatten des «Great Game»: Deutsche «Weltpolitik» und russischer Imperialismus im Zentralasien, 1871–1914. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2012. — *К.Ф.*

8. Британцы на обломках Российской империи

Русская революция февраля 1917 г., безусловно, спасла османские армии от уничтожения на востоке. Если бы (как планировалось исходно) 70-тысячная русская армия на Кавказе объединилась со 150-тысячной армией генерала Мода к северу от Багдада, турки были бы сокрушены. Революция дала им возможность перегруппироваться, отсрочив крах Османской империи на 18 месяцев.

В Тифлисе было сформировано многонациональное революционное правительство — Закавказский комиссариат в составе меньшевиков, эсеров и членов других партий. Однако в Баку большевикам под руководством харизматического лидера, «кавказского Ленина» Степана Шаумяна удалось взять верх. Правда, азербайджанцы склонялись на сторону Османской империи. Наступление турок угрожало не только большевистской власти в Баку, но и армянским беженцам. «Однако причина для тревоги была не только у них. Если бы турки, не говоря о немцах, вошли на Кавказ, а оттуда в Среднюю Азию, они создали бы весьма серьёзную угрозу Индии. Даже просачивание горстки турецких или немецких офицеров, проповедующей опьяняющее евангелие пантюркизма или священной войны, могло бы достичь того, чего не сумели Нидермайер, Хентиг и Вассмусс: больше не было русских войск, которые могли бы придавить такую попытку. Зажжённый на Кавказе или Средней Азии, этот огонь мог перекинуться южнее — через Персию и Афганистан в Индию»¹.

Скорость событий на Востоке вслед за большевистским переворотом застала военный кабинет в Лондоне врасплох. С разложением русской армии в Восточной Турции в обороне Индии образовалась большая дыра. Перспектива прорыва турецко-немецкой армии через Кавказ была кошмаром. Кроме того в рассеянных по Средней Азии лагерях размещались 40 тыс. немецких и австро-венгерских военнопленных, которые теперь были свободны. В Лондоне и Дели на них смотрели как на потенциальную армию вторжения в Индию. К тому же Германия отчаянно нуждалась в нефти, а если бы ей удалось дотянуться до нефтяных промыслов в Баку, это поправило бы её положение. В довершение всего в Туркестане были накоплены запасы в 200 тыс. тонн хлопка-сырца, который использовали при изготов-

¹ Hopkirk P. On Secret Service East of Constantinople... P. 254.

лении мундиров и взрывчатки. Когда выяснилось, что для транспортировки этого хлопка в Индию понадобится 750 тыс. вьючных животных, британцы потеряли на него надежду — но опасались, как бы эти стратегические запасы не попали в руки немцев¹.

Лишних войск, чтобы заткнуть дыру, у британского командования не было. Военный кабинет видел только одно средство: убедить кавказское население сформировать ополчение. В Тифлис был направлен 40-летний майор Эниас Макдонелл, 7 лет служивший вице-консулом в Баку. Его задачей было выяснить, какая из многочисленных этнических и религиозных групп Кавказа может оказать серьёзное сопротивление захватчику. Очевидным кандидатом были армяне, которым он тайно выплатил миллион рублей. Правда, армяне разболтали об этом, что вызвало гнев грузин и азербайджанцев. Макдонеллу пришлось распределить деньги и среди командиров-грузин, в то время как азербайджанцы отвергли британское предложение и увели свои части с фронта, не желая сражаться с близкими по этносу и вере турками.

Баку между тем погрузился в кровавый хаос: на город напали части Дикой дивизии, которые отбили у большевиков порт Ленкорань и вместе с горожанами-азербайджанцами пытались свергнуть бакинский совет. В бои на стороне большевиков вмешались армяне во главе с дашнаками, и азербайджанцы были разбиты. По данным азербайджанцев, мусульман погибло 12 тыс. человек (включая стариков, женщин и детей); по данным Шаумяна — не более 3 тыс.²

К концу мая 1918 г. Грузия, Армения и Азербайджан объявили о независимости друг от друга и от Москвы. Грузины, опасаясь «освобождения» своей страны Османами, пригласили с Украины немецкие войска. Армяне продолжали сопротивляться наступающим туркам. Азербайджанцы, напротив, ждали их прихода с нетерпением. Между тем немцы и турки не поделили нефтяные промыслы Баку: в нефти нуждались обе державы — как и Ленин, который стремился восстановить разрушенную войной экономику России. Энвер, опасаясь, что немцы придут в Баку первыми, стал перебрасывать на Кавказ части с фронта в Палестине. В этих условиях весной 1918 г. Макдонелл отправился в Баку. Его задачей было убедить Шаумяна пока не поздно принять британскую военную помощь — отряд генерала Л. Данстервилла, находившийся в Хамадане.

Шаумян принял Макдонелла хорошо, хотя сначала заверил, что большевики организуют оборону от турок сами. Однако позже комиссар подумывал принять предложение, но настаивал на полномочиях увольнять и судить британских офицеров и солдат. Когда Лондон потерял терпение в игре с Шаумяном, Макдонелл оказался втянут в заговор с целью свергнуть его. Не похоже, что он был главным организатором, но посетил тайную встречу заговорщиков (бывших царских офицеров и эсеров) и выделил денег на его осуществление. Кроме того, он был причастен к планам уничтожить нефтяные скважины Баку, чтобы те не достались туркам. Однако большевики узнали о заговоре и провели аресты, включая Макдонелла. Правда, его отпустили и дали возможность покинуть Баку, не желая обострять отношения с Британией.

¹ Hopkirk P. Setting the East Ablaze: Lenin's Dream of an Empire in Asia. L.: John Murray, 1984. P. 14.

² Ibid. P. 287.

Между тем в июле 1918 г. в Баку под видом персидско-армянского торговца прибыл британский капитан Реджиналд Тиг-Джоунз. Он сообщил Макдонеллу, что Британия и Франция теперь поддерживают антибольшевистские силы. Тиг-Джоунз был классическим разведчиком, имел способности к языкам, учился в Петербурге, с 1910 г. вёл разведдеятельность на северо-западной границе Индии, а во время Первой мировой войны — в Персидском заливе. Находясь в Баку, он сорвал отправку туда из Красноводска партии хлопка, чтобы она не досталась ни немцам, ни большевикам.

Вскоре бакинский совет проголосовал за обращение за помощью к британцам. Шаумян и его сторонники возмущённо вышли из совета и отплыли в Астрахань. Контроль над Баку перешёл в руки эсеров — Центрально-каспийской диктатуры в составе пяти человек. Этот орган обратился к Данстервиллу за помощью против надвигающихся турок. За Шаумяном и его комиссарами послали погоню, вернули их и посадили в тюрьму.

Данстервилл высадился в Баку 17 августа 1918 г. Защищать город от турок было бы трудно, так как с трёх сторон его окружали холмы. В Баку находились 3 тыс. русских и 7 тыс. армянских добровольцев с ружьями, но без военной подготовки. На город наступали 14 тыс. закалённых в боях турок. В Баку были разочарованы размерами британской помощи: *Dunsterforce* насчитывала не более тысячи солдат и офицеров. Её задача состояла не в том, чтобы защищать Баку самой, а в том, чтобы выковать из русских и армянских добровольцев отряд, способный сдерживать натиск турок до подхода подкреплений.

26 августа 1918 г. тысячный турецкий отряд совершил первое нападение на слабейший сектор обороны Баку. Из-за ненадёжности бакинских добровольцев ключевые позиции почти день обороняла рота Северостаффордширского полка. После второго нападения Данстервилл, видя, что помощи от бакинцев никакой, тайно от Центрально-каспийской диктатуры эвакуировал войска из Баку. Всё, чего добились британцы, — это немного оттянули падение города ценой 180 убитых, раненых и пропавших без вести¹.

Советские историки обвиняли британцев в том, что те сознательно бросили защитников Баку на произвол судьбы. Они, мол, знали, что война продлится ещё недолго и спокойно дали туркам наложить руку на бакинскую нефть. На деле британцы ещё не видели конца войны. В Лондоне и Дели по поводу эвакуации из Баку сыпались обвинения: британцы потеряли в регионе лицо. Козлом отпущения сделали Данстервилла и отозвали его из Энзели. Британцы были не единственными, кому удалось покинуть Баку перед захватом турками. Более 8 тыс. солдат и гражданских лиц уплыли на небольших судах в Астрахань или Красноводск. Среди тех, кого вывезли, находились 26 освобождённых из тюрьмы бакинских комиссаров².

Их последние дни всегда будут окутаны тайной. Так, мы никогда не узнаем, почему перевозившее их судно «Туркмен» изменило курс. Советские историки утверждали, что это британские агенты заставили судно плыть вместо Астраха-

¹ Ibid. P. 350.

² Как известно, из 26 человек комиссарами Бакинской коммуны являлись не все; среди них были два личных охранника комиссаров, три журналиста и другие лица. Тем не менее, после казни эта группа вошла в историю как «26 бакинских комиссаров». — К.Ф.

ни в Красноводск, зная, что ждёт там комиссаров. Историки не принимали во внимание, что отвезти комиссаров в Астрахань велел сам Данстервилл — от греха подальше. Зато они ухватились за информацию о том, что на борту «Туркмена» находились майор и сержант из числа его людей. По собственным словам Данстервилла, их просто забыли и они пробрались на судно в последнюю минуту, чтобы спастись (в конце концов они попали в Астрахань к большевикам). Если бы Данстервилл действительно собирался покончить с комиссарами, для этого были более лёгкие пути — например, позаботиться, чтобы они остались в Баку, где с ними расправились бы турки и азербайджанцы.

В Красноводске большевики за недолгий период правления снискали нехорошую репутацию. Неудивительно, что по прибытии комиссаров казачий офицер Кун арестовал их и дал знать в Ашхабад. Подозревали, что эти опытные революционеры могут совершить в городе контрпереворот. Незадолго до падения Баку Мэллесон подписал с Ашхабадским комитетом соглашение, обещав военную помощь против наступающих из Ташкента большевиков; за это новая власть позволила отправить небольшой британский отряд в Красноводск, чтобы защищать начало Закаспийской железной дороги от возможного турецкого десанта. Между тем в сентябре 1918 г. англо-индийские войска вступили в бой с большевиками у Каахки. 500 солдат 16-го панджабского полка под командованием полковника Д. Ноллиса вместе с русскими, армянами и туркменскими всадниками встали на пути наступающего противника. Когда большевики внезапно напали, туркмены бежали, а за ними последовали другие части. Атаку Красной армии отбили панджабцы. Это был первый случай военного столкновения британских и русских войск за всю историю соперничества двух держав в Азии.

Турки, узнав о выводе британских отрядов из Баку, не стали входить в город первыми, а позволили сделать это своим азербайджанским союзникам, чтобы те отомстили за резню бакинских мусульман. 15–16 сентября азербайджанцы резали армян, буквально завалив улицы трупами. По армянским сведениям, жертв насчитывалось около 9 тыс., тогда как согласно газете «Известия» и немецкому разведчику В. Литтену, — 23–30 тыс.¹

Ашхабадский комитет был не в восторге от того, что в его руки попали известные революционные деятели. У него была альтернатива: либо убедить Мэллесона отправить комиссаров под охраной в Индию, либо расстрелять их. Поскольку существовала возможность восстановления большевистской власти, палачи комиссаров могли полатиться, поэтому было предпочтительнее сбить их британцам. Мэллесон, похоже, согласился принять комиссаров. Он сделал это тем охотнее, что в Ташкенте пропал разведчик Ф. Бэйли (см. ниже); если его удерживали местные большевики, Шаумяна и его товарищей можно было сделать заложниками и обменять.

Относительно дальнейших событий есть две версии. Согласно одной (высказанной в отчёте Мэллесона и его подчинённого полковника Ч.Х. Эллиса), посланник Ашхабадского комитета, договорившись с Мэллесоном в Мешхеде о передаче комиссаров, прибавил: «Если ещё не поздно», пояснив, что Ашхабад мог уже решить расстрелять заключённых. Согласно другой версии, высказанной в 1956 г. в

¹ Hopkirk P. Setting the East Ablaze... P. 357.

газете *The Observer* служившим под началом Мэллесона полковником У. Нэшом, он сам отнёс Мэллесону телеграмму из Ашхабада, где содержалась просьба посоветовать, что делать с комиссарами. Мэллесон якобы отвечал, что это внутреннее дело русских. Данную версию частично подтверждает посмертно изданный дневник Тиг-Джоунза.

На заседании Ашхабадского комитета его председатель Фунтиков объявил, что Мэллесон отказался принять заключённых и просил разобраться с ними на месте. Присутствовавшего при этом Тиг-Джоунза позднее обвиняли в том, что он не всё сделал для спасения комиссаров. Однако, похоже, ему просто не достало смелости спорить с закаспийским правительством по вопросу, который его по сути не касался, тем более что к Шаумяну и его товарищам он симпатии не питал.

Хладнокровное убийство бакинских комиссаров породило одну из революционных легенд, известных каждому советскому школьнику. Узнав о расстреле, Мэллесон по приказу своего правительства телеграфировал Ашхабадскому комитету протест. В Лондоне были недовольны, что потеряли потенциальных заложников. Впрочем, в переписке с властями Индии Мэллесон цинично отметил, что расстрел комиссаров¹ политически выгоден Британии, так как означает, что власти Ашхабада «сожгли мосты» в отношении большевиков.

В середине октября большевики неожиданно сами оставили Душак и следующий городок по железной дороге — Теджен, а затем и Мерв, отходя к Бухаре. Возможной причиной были распускаемые британцами слухи о готовящемся наступлении на Ташкент. 1 ноября англо-индийские и закаспийские войска заняли Мервский оазис без единого выстрела. Это обеспечило базары Ашхабада большим количеством мяса, зерна и другого продовольствия и позволило Фунтикову продержаться у власти ещё несколько месяцев.

Генерал Мэллесон был готов наступать вслед за большевиками до самого Ташкента. Однако, к его разочарованию, из Индии поступил приказ дальше Мерва не двигаться. Между тем на Западном фронте немцы отступали к линии Гинденбурга, в Палестине Алленби при поддержке арабской конницы шёл к Дамаску. Вскоре из Османской империи бежали младотурецкие триумвиры. В феврале 1919 г. Мэллесон получил приказ вернуться из Туркестана в Мешхед: война с Германией и Османами была окончена. Однако с целью оттянуть поражение союзников Британии — антибольшевистских сил в Закаспийской области — агенты Мэллесона распространили слух, будто намерение британцев уйти есть лишь маскировка настоящей цели, которая состоит во внезапном броске к позициям большевиков. До большевистских агентов довели соответствующие «документы». Иные из них были столь убедительны, что осели в архивах и использовались советскими историками. Большевики спешно готовились отступить.

Некоторые члены британского военного кабинета опасались, что до конца войны Британия не успеет оккупировать важные для неё районы Ближнего Востока, включая нефтяные месторождения близ Мосула. Поэтому командующий в Месопотамии генерал Маршалл получил приказ «занять столько нефтеносной территории, сколько возможно». 30 октября Османская империя подписала перемирие на борту

¹ По другой, весьма правдоподобной, версии, смертный приговор привёл в исполнение силач-туркмен, отрубивший осуждённому голову. — К.Ф.

военного корабля «Агамемнон». Это была безоговорочная капитуляция, позволившая Антанте оккупировать ключевые районы страны, включая Стамбул. 11 ноября капитулировала Германия.

Кайзер Вильгельм II нашёл убежище в Нидерландах и до смерти в 1941 г. жил на доходы с обширных имений в Германии, написал два тома мемуаров. Талаат осел в Берлине, где жил на скромную пенсию, пока весной 1921 г. не был застрелен на улице армянином, вся семья которого погибла в армянской резне. Джемалю убили два армянина в Тифлисе. Что касается Энвера, то он бежал в Берлин, а оттуда в Москву, где вступил в сделку со большевиками и отбыл в Среднюю Азию. Однако, прибыв туда, он перехитрил большевиков.

В первой половине 1920-х гг. в Средней Азии полыхало восстание басмачей. На пике движения под ружьём находилось до 20 тыс. человек, хотя многие были повстанцами не всё время: днём трудились как крестьяне, а ночью выступали партизанами¹. У движения не было единства и харизматического лидера. Как и у моджахедов Афганистана в 1980-е гг., между группами и лидерами басмачей существовало соперничество и недоверие; они происходили из разных племён и не имели политической программы. После ударов Фрунзе басмачи, вытесненные из городов и деревень Ферганской долины, сохранили опорные пункты в горах. Справиться с ними не удавалось, в связи с чем Ленин и привлёк к решению задачи бывшего правителя Османской империи Энвер-пашу, чтобы тот своим авторитетом перетянул мусульманское население от басмачей на сторону советской власти. Однако сделка была масштабнее. «Предложение Энвера Ленину... было гениально простым. Благодаря своей доблести одновременно солдата и революционера он собирался добыть для большевиков Британскую Индию в обмен на помощь в восстановлении его у власти в Турции, которая находилась теперь под контролем одного из его бывших полковников — Мустафа-паши, более известного сегодня как Кемаль Ататюрк. Энвер намеревался сперва захватить Китайский Туркестан и, выгнав оттуда китайцев, создать там мусульманскую республику в качестве базы. Оттуда (а не из Афганистана, как предлагал Рой) должна была быть развязана полномасштабная священная война против Британской Индии»².

Энвер рассматривал большевиков как временных союзников, а своей целью ставил пантюркскую империю от Стамбула до Китайского Туркестана. Хотя Ататюрк демонстрировал к своим советским соседям дружественное отношение и в марте 1921 г. Москва заключила с ним договор, в случае изменения турецкого курса амбициозный Энвер мог оказаться для большевиков козырем в рукаве. Однако последний обманул Ленина: прибыв в ноябре 1921 г. в Бухару, Энвер вскоре примкнул к басмачам. Он сделался авторитетным лидером и начал одерживать военные победы. Так, в феврале 1922 г. во главе 200 плохо вооружённых партизан он захватил Душанбе, затем дерзко напал на Бухару.

К весне 1922 г. под знаменем Энвера стояли 7 тыс. человек, контролируя значительную часть территории бывшего Бухарского эмирата³. Структура командования

¹ Hopkirk P. Setting the East Ablaze... P. 55.

² Ibid. P. 156.

³ Ibid. P. 160.

строилась по немецкому образцу, а в штабе Энвера находились несколько опытных турецких офицеров. Большевики встревожились и пытались вести с Энвером переговоры. Он опрометчиво не пошёл на них, и тогда большевики взялись за него всерьёз. В июне 1922 г. он потерпел крупное поражение, последователи стали расходиться по деревням или переходить в другие басмаческие отряды. Энвер понимал, что дело проиграно, но не собирался бежать в Афганистан и 4 августа 1922 г. предпочёл погибнуть в бою. Басмачи из своих горных убежищ тревожили большевиков ещё несколько лет.

О судьбе бакинских комиссаров большевики узнали лишь после ухода британцев из Закаспия (до этого полагали, что их держат где-то в заключении). В Москве быстро решили, что виноваты британцы, а комиссаров объявили революционными мучениками. В бакинской газете вышла статья эсера Вадима Чайкина, в которой говорилось, будто Тиг-Джоунз сам требовал расстрела заключённых, а позднее выразил удовлетворение содеянным. Похоже, Чайкин, будучи эсером, пытался таким образом добиться расположения большевиков, в то же время обеляя своих товарищей по партии.

Неудивительно, что у британского разведчика были основания опасаться убийства или похищения, за которым последует показательный суд в Баку или Москве. Весной 1922 г. он, женившись на русской, предпочёл исчезнуть из поля зрения публики и сменил имя на Роналд Синклэр. Однако Форин-офис не собирался оставлять это дело, и по его заданию Тиг-Джоунз написал подробное опровержение обвинений Чайкина. 20 декабря 1922 г. британское правительство в письме заместителю наркома иностранных дел Максиму Литвинову сообщило, что провело тщательное расследование, но не обнаружило оснований для обвинений Чайкина. Советскую сторону это не удовлетворило.

Чем занимался Тиг-Джоунз в течение следующих лет 30, точно неизвестно. Он умер в 1988 г. в возрасте 99 лет, а в следующем году опубликовали его дневник под названием «Исчезнувший шпион: дневник тайной миссии в русскую Центральную Азию в 1918 г.». Похоже, причиной исчезновения Тиг-Джоунза были не только опасения мести большевиков. Его издатель обнаружил пустую папку, озаглавленную «Майор Синклэр, МИ-5». Вероятнее всего в 1920–30-е гг. Тиг-Джоунз работал в Разведывательном бюро в Дели. Некоторые документы наводят на мысль, что в этом качестве Тиг-Джоунз совершил ряд тайных поездок на Ближний и Дальний Восток. Так, в 1926 г. майор проехал на автомобиле по Ирану якобы с торговой миссией, а на деле изучая степень советского проникновения в эту страну (неслучайно он бегло говорил на фарси и по-русски). В 1941 г. Тиг-Джоунз был назначен вице-консулом Британии в Нью-Йорке, по сути оставаясь разведчиком. После войны он со второй женой ушёл на покой во Флориде, затем они переехали в Испанию, а позднее вернулись в Британию.

9. Возрождение Большой Игры: большевики против британцев

Когда большевики взяли в России власть, главное препятствие на пути мировой революции Ленин видел в Великобритании как имперской державе. В 1920 г. он заявил: «Англия — наш главный враг. Именно в Индии мы должны нанести ей самый сильный удар». По мысли Ленина, если бы удалось вырвать Индию из лап Британии, последняя больше не смогла бы покупать лояльность собственных рабочих посредством тяжкого труда и дешёвого сырья Востока. Результатом стали бы экономический крах и революция. Если бы удалось разжечь восстания по всему колониальному миру, то революция захлестнула бы всю Европу. «Восток, — говорил Ленин, — поможет нам завоевать Запад».

Британцы, несмотря на истощённость Первой мировой войной, не собирались уступать, а их разведка была самой мощной в мире. Важной ареной противостояния большевиков и британской разведки стало обширное пространство от Ирана до Тибета, где царил политический вакуум.

Одним из главных участников этой схватки был британский подполковник Фредерик Бэйли из политического и тайного департамента Индии. Летом 1918 г. он во главе небольшой группы был послан из Кашгара в Ташкент с задачей выяснить, что происходит в бывших владениях Российской империи в Туркестане. Даже Ленин имел об этом смутное представление, а тем, кто отвечал за оборону Индии, знать это было необходимо.

Идея отправить офицеров в Среднюю Азию принадлежала члену парламента от либералов Джозайе Уэджвуду, который сам успел отличиться в бурской и Первой мировой войне. Уэджвуд по-прежнему видел главную угрозу не в большевиках, а в немцах, и целью миссии Бэйли было противодействовать возможным проискамм Германии в Средней Азии. К этому времени та малая информация, которая доходила до британцев о Средней Азии после Октябрьской революции, поступала из Кашгара (консулом там 28 лет служил сэр Джордж Макартни) или Мешхеда (где агентурную сеть возглавлял подполковник Эрнест Редл). В Британии опасались, что выход России из войны откроет путь немецко-османским войскам через Центральную Азию в Индию. Задачей Редла в случае их вторжения было пробраться в Туркестан и уничтожить стратегически важную Закаспийскую железную

дорогу. Британцы опасались даже не столько регулярных немецких или османских войск в Центральной Азии, сколько подъёма всеобщего джихада против них в случае появления пусть одной-единственной такой военной части¹. С 1915 г. британцы и русские совместно патрулировали границу Ирана с Афганистаном, чтобы не дать вражеским агентам пробраться в Афганистан. Крушение России застигло британцев врасплох, но русский сектор этого кордона был занят британскими военными под командованием генерал-майора сэра Уилфрида Мэллесона.

Опасения совместного немецко-османского нападения на Индию усугублялись присутствием в Русском Туркестане 40 тысяч бывших военнопленных, которых отправили туда после пленения на Восточном фронте (3 тыс. были немцами, остальные австрийцами и венграми). Формально они были теперь свободны, но по-прежнему жили в своих лагерях, надеясь на репатриацию; некоторые обрели жильё и даже работу по соседству. До Дели доходили сведения, что среди пленных активно действуют немецкие агенты, пытаются организовать их в отряды для диверсионных операций в Северной Индии.

Вместе с тем дальновидные стратеги уже начинали размышлять о ситуации после окончания войны, о том, каковы будут долгосрочные намерения большевиков в отношении Азии. 7 декабря 1917 г. Ленин издал «Обращение ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». На следующий день британский посол в Петрограде сэр Джордж Бьюкенен собрал пресс-конференцию и осудил призыв большевиков к восстанию индийцев. Однако через 18 дней Совнарком выделил 2 млн. золотых рублей на разжигание революции «во всех странах, независимо от того, воюют ли они с Россией, находятся ли с ней в союзе или нейтральны».

Группа, в составе которой был Бэйли, въехала на территорию Туркестана в июле 1918 г. 14 августа 1918 г. Бэйли и его спутник Блэкер сошли с поезда в Ташкенте и стали добиваться пресечения деятельности немецкого лейтенанта Циммермана среди бывших военнопленных. Бэйли обзавёлся в Ташкенте агентурой. 15 октября его арестовала и стала допрашивать ЧК. Он предупредил, что когда вести о его аресте достигнут британского парламента, он не позавидует людям, давшим на это санкцию. Бэйли сыграл на невежестве чекистов: те вообразили, будто палата общин — это какой-то революционный орган, одобрения которого им следует добиваться. Британца вскоре отпустили, но 20 октября он получил записку с предупреждением о новом аресте и возможном расстреле. В тот же день Бэйли обманул следивших за ним чекистов, войдя в один из домов и так и не выйдя из него — он вышел из другого дома в форме австро-венгерского военнопленного.

Обведя вокруг пальца чекистских агентов, Бэйли провёл 14 месяцев в бегах, что позднее описал в книге «Миссия в Ташкент». После его исчезновения большевики устроили в городе облаву. Бэйли намеренно пустил слух, будто движется к границе, надеясь перебраться в Кашгар. Не поймав его, ЧК успокоилась, сделав вывод, что либо Бэйли скрылся, либо его устранили немцы. Свидетельство в пользу второго предположения видели в том, что он исчез без своей зубной щётки. По мнению большевиков, англичане так не поступают (на деле у Бэйли была запасная).

¹ Ibid. P. 13.

Всё это время Бэйли оставался в Ташкенте, под боком у преследователей. Его приютила семья Лебедевых, пряча в подполе. Ташкент он покинул за 6 дней до перемирия 1918 г., управляя телегой с соломой и по-прежнему одетый в серую австро-венгерскую форму. Целью Бэйли было выяснить, какую помощь может получить Мэллесон от антибольшевистских сил в Средней Азии (он не знал, что британские части уже вернулись в Иран). Бэйли был убеждён, что большевики вскоре станут угрожать Индии, но понимал, что их власть в Средней Азии пока весьма хрупкая и этим надо воспользоваться¹. Правда, не имея сообщения с Дели или Лондоном, Бэйли мог лишь догадываться о политике своего правительства в отношении большевиков. Чёткой политики тогда по сути не было. Победа Мэллесона под Ашхабадом и высадка британских войск в Архангельске, казалось, подтверждали интервенционистские намерения Британии.

Выбравшись из Ташкента, Бэйли укрылся на пасеке в Ферганской долине. Поэтому вопреки утверждениям советских историков, будто он сыграл ключевую роль в антибольшевистском восстании комиссара Осипова в Ташкенте января 1919 г., на момент восстания его в городе не было. Вместе с тем установлено, что Бэйли снабжал деньгами участника этого восстания, геолога и этнографа Павла Назарова. В архиве министерства по делам Индии сохранилась записка Бэйли с просьбой британскому консулу в Кашгаре полковнику П. Этертону передать агенту Назарова 200 тыс. рупий (15 тыс. ф. ст.)². Однако после подавления восстания Бэйли сумел пробраться в Ташкент и, найдя возможность передавать информацию с помощью тайных курьеров, стал отправлять подробные отчёты о происходящем в Средней Азии (написанные невидимыми чернилами и с помощью шифра) Этертону в Кашгар и Мэллесону в Мешхед. Правда, большевики этих курьеров обычно ловили.

Что касается Мэллесона, то и в Мешхеде он не сидел сложа руки, а следил за перемещениями тайных эмиссаров между Кабулом и Ташкентом. «Не слишком приятный человек, Мэллесон был бесспорным мастером грязной стороны разведывательной деятельности и знатоком пограничной политики»³. Он немало поработал над тем, чтобы расстроить намечавшийся союз большевиков и афганцев. В речи перед Королевским центральноазиатским обществом в 1922 г. он рассказал: «Благодаря многочисленным агентам в обоих лагерях, имея весьма точное представление о происходящем и о том, как эти две заинтересованные стороны стремятся лучше обмануть друг друга, мы занялись тем, что неофициально информировали каждую сторону о предательстве другой. Примерно в это время афганцы, услышав о серьёзном и перспективном антибольшевистском восстании в Фергане, были достаточно неосторожны, чтобы отправить лидерам повстанцев специальных посланцев с письмами и подарками. Мы посчитали своим долгом довести информацию об этом до большевиков»⁴. В немалой степени благодаря усилиям агенты Мэллесона большевики прекратили обещанные афганскому амиру Аманулле поставки денег и оружия, подозревая, что тот разжигает в Средней Азии масштабное панисламское восстание против них (основания для подозрений имелись).

¹ Ibid. P. 61–62.

² Ibid. P. 63.

³ Ibid. P. 82.

⁴ Ibid.

Выбираясь из Средней Азии, Бэйли проявил почти невероятную смелость. От работавшего в ЧК серба Мандича он узнал, что большевики напуганы слухами, будто войска бухарского эмира обучают британские офицеры и в Бухаре даже стоит индийский полк. Большевики отправили в Бухару одного за другим 15 шпионов, но всех их задушила тайная полиция эмира. Бэйли вызвался стать 16-м, и Мандич убедил начальника разведки Дункова, что в Бухару готов отправиться один его албанский друг (за которого выдал себя Бэйли). Последнему вместе с Мандичем, его женой и ещё группой лиц удалось добраться до Бухары, а затем после стычки с красноармейским патрулём пересечь иранскую границу.

Проведя 17 месяцев на советской территории, Бэйли вернулся к своим героям и стал в советской Средней Азии легендой. Не случайно большевики предпочли объявить, что в той стычке на границе он был убит. На самом деле Бэйли, которого называют последним игроком Большой Игры, служил правительству Индии ещё 18 лет — политическим офицером в Сиккиме, резидентом в Шринагаре и, наконец, послом при непальском дворе. В 1938 г. Бэйли подал в отставку и уехал с женой на родину. Он умер в 1967 г. в Норфолке в возрасте 85 лет.

В то же время, когда Бэйли покидал Ташкент, из Кашгара за действиями большевиков наблюдал майор (позднее полковник) Перси Этертон. За свои 4 года пребывания в должности британского генерального консула в этом городе он вёл против большевиков безжалостную войну. Свив паутину агентуры, он регулярно посылал в Дели через перевалы Каракорума бегунов с сообщениями. К январю 1918 г. в Кашгаре установили радио, чтобы перехватывать радиосообщения большевиков между Ташкентом, Москвой и другими местами. Деятельность Этертона варьировалась от слежки за численностью большевистских гарнизонов по ту сторону границы до вброса в Ташкент из Индии пачек подрывной литературы.

Между тем советская власть совершала своё триумфальное шествие по России, а революционная агитация затронула даже британскую армию. Летом 1920 г. в Москве собрался II конгресс Коминтерна. Среди азиатских делегатов был замечен высокий индийский революционер с горящими глазами Манабendra Натх Рой. Он начал революционную карьеру подростком в антибританском террористическом обществе в Бенгалии, чуть не попался при контрабандном ввозе в Калькутту оружия и уехал в США, откуда перебрался в Мексику. Там его заметил агент Коминтерна Михаил Бородин, и они основали первую коммунистическую партию за пределами России — мексиканскую. На конгрессе Коминтерна Рой выступил против тезисов Ленина о необходимости для коммунистов вступить в союз с немарксистскими освободительными движениями в колониях, считая это буржуазным соглашательством. Однако именно тезисы Ленина стали официальной доктриной Коминтерна.

Дела большевиков шли в гору: интервенция провалилась, в гражданской войне победа осталась за ними, в феврале 1920 г. Фрунзе захватил Хиву, а в сентябре Бухару. В этих обстоятельствах Рой предложил сформировать в Средней Азии армию и захватить часть Индии. Добровольцев он предложил набрать из недовольных индийских мусульман, воспользовавшись халифатистским движением. Помимо этого Рой предложил вооружить пуштунов северо-западной границы, сыграв на их реваншистских настроениях после неудачной для них англо-афганской войны 1919 г. Рой надеялся на цепную реакцию — разжечь череду восстаний в Индии. Осенью

1920 г. конвой с оружием и инструкторами был готов к отправке из Москвы в Ташкент, который уже служил очагом распространения антибританской пропаганды. Рой основал в Ташкенте тайную военную школу.

Не дремали и британцы в Индии. В январе 1920 г. они учредили специальную разведслужбу для борьбы с большевизмом и слежки за агентами Коминтерна. Сотрудники новой спецслужбы читали письма подозреваемых, перехватывали и расшифровывали радиосообщения большевиков и внедряли агентов в индийские националистические группы, которых подозревали в связях с Москвой. Очень эффективной мерой оказался запрет циркуляции в Индии рублей: это затрудняло агентам Роя задачу действовать подкупом.

Большевики между тем стали распространять слухи, будто в Индию пробираются 400 индийцев-агитаторов с оружием и советским золотом, будто в Самарканде пропагандистская школа уже выпустила 3 тыс. агитаторов, причём четверть из них — индийцы. «Такие слухи явно распускались Москвой, чтобы породить в Индии тревогу. Важно, что они совпали с изменениями во внешней политике Ленина и могли иметь целью давление на британское правительство, побуждая его вступить в переговоры с Москвой о торговых отношениях. После провала революционного крестового похода в Европе Ленин остро нуждался в жизненно важных поставках промышленного оборудования для восстановления пошатнувшейся экономики России. Оборудование можно было приобрести лишь на Западе, а значит, во враждебной Британии. Ленин, похоже, собирался усидеть на двух стульях. Усиливая давление на Индию, он надеялся вырвать у Британии уступки — старая игра царизма, — не отказываясь от мечтаний о советской Индии»¹.

В начале 1920-х гг. поджечь Азию мечтал не один Ленин. Были и другие мессии, хотя и мельче масштабом. Об одном — Энвер-паше — рассказано выше. Другим был барон Роман Фёдорович фон Унгерн-Штернберг — русский буддист, считавший себя перевоплощением Чингис-хана. Это был человек с маленькой головой и измождённым лицом, с большим лбом над пронзительно смотрящими глазами, которые пожирали собеседника как глаза пещерного зверя. Он происходил из рода балтийских баронов и называл себя потомком Аттилы. Когда в 1911 г. между Монголией и Китаем вспыхнули военные действия, Унгерн командовал отрядом монгольской конницы. Он проникся любовью к монголам и их степям и даже принял буддизм ламаистского толка. В годы Первой мировой войны Унгерн воевал против немцев, показав себя храбрым воином. После разгрома белых армий Унгерн оказался в Сибири, кишевшей бандами казаков. У него родился план организовать из них и монголов армию, выгнать китайцев из монгольской столицы Урги и возродить империю Чингис-хана, после чего избавить Россию от большевизма.

Барону помогли японцы, весьма подозрительно смотревшие на намерения Москвы в Азии. Они предоставили ему оружие, средства и несколько десятков военных советников. Выдвинутая Унгерном идея Великой Монголии отвечала их идее паназиатизма; его будущую империю они видели своим протекторатом. Барон уже «прославился» жестокостью, и при приближении его армии (по разным оценкам, от 1200 до 6000 человек) население Урги впало в панику. По пути к барону присоеди-

¹ Ibid. P. 121–122.

лись остатки разбитых белых армий, так как не видели другого выхода. В октябре 1920 г. Унгерн напал на Ургу, но китайцы хорошо подготовились и отбили четыре приступа. Командующий китайским гарнизоном не стал его преследовать, что было ошибкой.

Когда в январе 1921 г. барон вернулся к Урге с более внушительными силами, обитатели неожиданно взглянули на него как на освободителя, поскольку жизнь в городе становилась всё тяжелее, китайцы ужесточали контроль. Унгерн пошёл на хитрость: ночью велел разжечь на холмах вокруг Урги большие костры. Это создало впечатление, будто Урга окружена со всех сторон почти сотней тысяч русских, тогда как у барона была всего 1700 человек, а китайский гарнизон Урги доходил до 12 тыс.¹ Если бы люди Унгерна не взяли города, мало кто из них пережил бы зиму, и это придавало им силы. К середине следующего дня они взяли верх и разграбили город, насилюя и убивая. Унгерн был убеждён в собственном военном гении и хвастал, что построит от Монголии до Москвы дорогу из виселиц.

Между тем стратегия Ленина по вырыванию уступок у Британии путём давления на Индию стала приносить плоды. В марте 1921 г. Лондон и Москва заключили сделку, которая позволила большевикам закупать оборудование. Это англо-советское торговое соглашение по сути принесло Советской России частичное признание со стороны крупнейшей империалистической державы (военный министр Черчилль и министр иностранных дел Керзон были против соглашения). Взамен премьер-министр Ллойд Джордж потребовал гарантий, что Москва прекратит всякую тайную деятельность против Индии.

В связи с этим Ленин был вынужден отменить грандиозный план Роя по вторжению в Индию и закрыть военную школу в Ташкенте. Впрочем, это не означало отказа Коминтерна от притязаний на Британскую Индию. Как писал Рой в мемуарах, начатая в Ташкенте работа должна была продолжаться в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ). В режиме глубокой тайны Ташкент продолжал функционировать как центр по разжиганию восстаний.

В Монголии в мае 1921 г. Унгерн повёл войска на север, на советскую территорию. Первые бои с Красной армией окончились неудачей, но Унгерн повторил вторжение, одержав две победы. Однако большевики к тому времени взяли Ургу. С остатками войск Унгерн направился к Китайскому Туркестану. Его люди разуверились в нём, на него совершили покушение. Наконец в пути барон соскочил с седла и упал на землю без чувств, а его людям удалось уйти за китайскую границу. Унгерна нашёл красноармейский патруль, его судили в Новосибирске и 15 сентября 1921 г. расстреляли.

В Индии революционный призыв Роя к массам не достиг цели и даже, возможно, заставил Индийский национальный конгресс отказаться от радикализации действий, чтобы не быть обвинённым в связях с большевиками. В результате, по данным «The Times» от 1 января 1923 г., среди членов Политбюро ВКП(б) был распространён тайный меморандум за подписью Сталина. Хотя Роя в это время чествовали на IV конгрессе Коминтерна, тон меморандума был пессимистичен: «Теперь ясно, что на нынешнем этапе развития коммунизм полностью неприемлем для индийцев и предварительное условие — независимость. Наши пропагандисты не отдавали себе в этом отчёта и не сообщали об этом, а продолжали работать в совершенно ошибочном направлении»².

¹ Ibid. P. 131.

² Ibid. P. 166.

8 мая 1923 г. лорд Кёрзон прислал в Москву ультиматум: если в течение 10 дней она не отзовёт всех агентов, работающих против британцев за рубежом, двусторонние торговые отношения будут разорваны. В британской ноте были перечислены случаи нарушения большевиками торгового соглашения, включая просачивание агитаторов в Индию. Большевицкие лидеры не поняли значения недавней смены правительства в Британии и были ошеломлены нотой Кёрзона. В своём официальном ответе они отрицали причастность к антибританским интригам на Востоке и указали на деятельность британских агентов на границах Средней Азии (включая помощь басмачам). Впрочем, тон советского ответа был примирительным. В конце концов Советская Россия уступила.

Вскоре британцы увидели угрозу Индии с другой стороны — из Китая, где военные советники из Советской России во главе с Михаилом Бородиным серьёзно укрепили Гоминьдан, куда просачивались китайские коммунисты. В подготовленном политическим департаментом министерства по делам Индии отчёте говорилось о «постепенном окружении Индии на суше большевизированными политическими организациями (entities)», причём указывалось на особую угрозу со стороны Синьцзяна. Во время консульства в Кашгаре Этертона (1918–22) британцы сдерживали влияние большевиков, но после его отъезда китайцы ослабили противодействие и позволили открыть советские консульства в Урумчи, Кашгаре и других городах Синьцзяна. Британская разведка выяснила, что согласно тайной сделке Гоминьдана с Москвой китайские провинции Синьцзян и Ганьсу с помощью советских денег образуют то, что политический департамент Индии считал «более или менее красной республикой». Находясь под «покровительством» милитариста Фэн Юйсяна, эта новая центрально-азиатская республика вытянулась бы в сторону Индии как ятаган¹. Аналитики опасались, что последует просачивание в Северную Индию советских агентов с пропагандистскими материалами, средствами и небольшими партиями оружия для подрывной деятельности.

К весне 1927 г. отношения Москвы и Лондона серьёзно ухудшились, и в Кремле опасались, что капиталистические державы собираются напасть на СССР. В это же время большевики потерпели крупную неудачу в Китае. В 1925 г. умер Сунь Ятсен, завещавший соратникам продолжать сотрудничать с Москвой. В борьбе за власть победил начальник штаба Гоминьдана генерал Чан Кайши. Он опасался роста влияния китайской коммунистов в своей партии и, получив обещания щедрых займов от шанхайских банкиров, перешёл в её правое крыло. Сначала Чан Кайши ещё нуждался в помощи коммунистов во время Северного похода на Пекин. Именно благодаря советским военным инструкторам под началом Бородина армия Гоминьдана одерживала победу за победой. Однако в 1927 г. Чан Кайши перестал нуждаться в коммунистах и устроил их резню, которая началась в Шанхае. Бородину и другим советским специалистам пришлось спасаться бегством.

В Москве Бородина и Роя сделали козлами отпущения за события, которые выходили за рамки их контроля. Бородин признал приписываемые ему ошибки перед следственной комиссией, и его оставили в покое (в 1951 г. он умер в ГУЛаге). Роя исключили из Коминтерна, и он быстро покинул СССР.

¹ Ibid. P. 186.

В январе 1928 г. с юга Туркестана во время охоты бежали в Иран два советских чиновника, одним из которых был Борис Бажанов; он не только служил личным секретарём Сталина, но и одно время исполнял обязанности секретаря Политбюро. Британская разведка в Иране быстро узнала о бегстве двоих русских и взяла их под покровительство. Их доставили в Шимлу, где их допросил глава индийской разведки Фредерик Айсмангер. Бажанов рассказал, что в СССР смотрят на войну с Британской империей как на неизбежность, но в ближайшем будущем стратегия заключается в её ослаблении изнутри. По иронии, через 18 месяцев к британцам перебежал человек, которому было поручено ликвидировать Бажанова, — глава советских подпольных операций в Иране Георгий Агабеков. По его словам, одной из его задач было подготовить племена курдов и бахтиаров к грядущей войне с Британией.

Британские власти Индии восприняли угрозу серьёзно, и были проведены аресты коммунистов. Результатом стал судебный процесс в Мератхе, целью которого было показать миру зловещие намерения Москвы в отношении Индии. Процесс растянулся на четыре с половиной года. В ходе процесса в Бомбее в Индии арестовали Роя, который приехал туда, чтобы попытаться поднять революцию. Его признали виновным и приговорили к 6 годам заключения. Позднее он разочаровался в борьбе и посвятил остаток жизни философскому течению, которое назвал «радикальным гуманизмом». Рой умер в 1954 г. в Дехрадуне.

Зато в Синьцзяне удача Москве улыбнулась. В 1930 г. против китайской власти восстало исламское население края — дунгане (китайцы-мусульмане) и уйгуры. Во главе восстания встал молодой дунганин полусолдат-полубандит Ма Чжунин. Он видел себя центральноазиатским махди, призванным освободить единоверцев от китайских угнетателей. Синьцзян погрузился в пучину священной войны, которая велась с большой жестокостью. В 1933 г. в Урумчи произошёл переворот и к власти пришёл способный военный Шэн Шицай.

В следующем году Ма Чжунин в третий раз подступил под Урумчи. Однако в это время интерес к Синьцзяну проявил Сталин. Во-первых, была опасность того, что мусульманское восстание перекинется на Среднюю Азию (там только что с трудом победили басмачей). Во-вторых, Ма поддерживал связи с Японией; в его штабе кроме турецкого полковника находились два японских советника. После захвата Японией Маньчжурии в 1931 г. Сталина тревожили её амбиции в Азии. Как отмечала одна ташкентская газета, если бы Ма победил и пригласил в Синьцзян своих японских друзей, нефтяные месторождения Баку оказались бы в радиусе полётов японских бомбардировщиков. К тому же очутились бы под угрозой новые промышленные центры СССР в Западной Сибири, не говоря о Монголии.

Губернатор Шэн принял предложение Сталина о помощи с благодарностью. Первые части Красной Армии перешли китайскую границу в декабре 1933 г. Всего в Синьцзян вступили не более 2 тыс. советских солдат¹. Вместе с войсками Шэна они разбили и преследовали дунган. Ма неожиданно передал командование сводному брату и уехал на территорию СССР, причина чего осталась загадкой. После подавления восстания Шэн Шицай стал ориентироваться на Советский Союз и активно развивал с ним экономическое и военное сотрудничество. «Используя свою марионетку

¹ Ibid. P. 226.

Шэна, рука Москвы теперь протянулась от Хами на востоке до Кашгара и Яркенда на западе. А Яркенд, как знал каждый стратег-любитель, контролировал жизненно важные проходы в Северную Индию»¹. Как отмечено в справочнике разведки правительства Индии 1935 г., впервые в истории русская граница соприкоснулась с индийской.

Наблюдатели давали разные прогнозы. Британский писатель и путешественник Питер Флеминг, приехавший в Синьцзян по заданию *The Times*, скептически смотрел на перспективу советизации Синьцзяна. Немало поездивший по стране полковник Реджиналд Шомберг, напротив, заявил в отчёте, что в Индии и Британии советскую угрозу из Центральной Азии недооценивают. История показала, что прав был скорее Флеминг. В 1930-е гг. в СССР всё большую угрозу на Востоке видели не в британцах, а в японцах. Отсюда призыв Сталина к коммунистам, социалистам и националистам всего мира бороться с мировым фашизмом.

В октябре 1942 г., в тяжёлое время для Советского Союза, Шэн Шицай выдвинул ему ультиматум: в течение трёх месяцев отозвать своих советников. Оппортунист Шэн не собирался оказаться с проигравшими. СССР протестовал и подчинился, запечатав 25 нефтяных скважин и вывезя оборудование. Сталин вновь потерпел поражение в Азии после обнадёживающего начала. Шэн устроил в Синьцзяне антикоммунистическую «охоту на ведьм» с применением варварских пыток. Ориентироваться он стал на Чан Кайши. Однако когда в Европе Советская Армия стала теснить войска Гитлера, Шэн понял, что крупно просчитался. В апреле 1944 г. он объявил, что раскрыл заговор Чана с целью свергнуть его, обрушил репрессии на чиновников Гоминьдана в Синьцзяне и пригласил советских специалистов обратно, соблазняя СССР идеей полного присоединения края к советской Средней Азии. Сталин даже не ответил.

Чан Кайши, намереваясь избавиться от Шэна, предложил ему министерский пост-синекуру в центральном правительстве, и тот в сентябре 1944 г. согласился. Вскоре он со своим неправдами нажитым богатством переехал на Тайвань, где и умер. После победы в Китае коммунистов в 1949 г. советские специалисты вернулись в Синьцзян и немало сделали для развития региона, пока идеологическое расхождение между двумя соседями не привело к новому отъезду русских домой. Однако на этот раз Синьцзян всё время прочно оставался под контролем Пекина.

К этому времени Британия потеряла интерес не только к Синьцзяну, но даже к Индии. Что касается призрака Коминтерна, он её больше не тревожил. «Великая мечта Ленина об империи в Азии, как и мечты Штернберга, Энвера и Ма, кончилась крахом. В течение тридцати лет Восток упорно отказывался поджигаться от большевистского факела. Где-то когда-то всё пошло не так. Теневые операции Коминтерна в Азии, как и в Европе, были в основном пустой тратой денег и сил. Единственным прочным приобретением Москвы стала Монголия»².

¹ Ibid. P. 229. Ориентироваться на иностранную державу — одно, а выступать её марионеткой — всё-таки другое. Автор порой так же необоснованно преувеличивает геополитическое влияние России на её евразийских рубежах, как это делали британские стратеги Индии, о которых он пишет. Можно сказать, что Синьцзян в то время находился в орбите Советского Союза, но советской марионеткой Шэн Шицай не был. См., например: Петров В.И. Мятежное «сердце» Азии: Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания. М.: Крафт+, 2003; Обухов В.Г. Схватка шести империй. Битва за Синьцзян. М.: Вече, 2007. — К.Ф.

² Ibid. P. 240. Упомянув перед этим приход коммунистов к власти в Китае, автор сам себе противоречит. Для СССР то был крупнейший успех в Азии. Другое дело, что, встав на ноги, КНР не захотела оставаться «младшим братом». — К.Ф.

10. Западные путешественники в Тибете в первой половине XX в.

После возвращения военной экспедиции Янгхазбенда в Тибет 1904 г. в Европе стали выходить книги, в которых наконец раскрывались тайны святого города буддизма. Всего через четыре месяца после отъезда оттуда участника экспедиции Персивала Лэндона вышел его двухтомник «Лхаса» с фотографиями. За ним последовали «Разоблачение Лхасы» Э. Кендлера, «Лхаса и её тайны» подполковника Л. Уодделла и «Наконец в Лхасу» некоего Пауэлла Миллингтона, настоящее имя которого так и не было раскрыто. В следующем году вышла работа капитана У. Оттли «С конной пехотой в Тибет». Наконец через четыре года был опубликован скромный отчёт самого Янгхазбенда — «Индия и Тибет».

«После столь мощного разоблачения Лхаса уже не могла претендовать на то, чтобы быть самым таинственным городом в мире. Для исследователей и путешественников гонка за тибетскую столицу завершилась. Теперь там, казалось, побывал каждый рядовой индийской армии. Однако если Лхаса уступила любопытному миру последние из своих секретов, в этой загадочной земле площадью около половины Европы ещё существовали обширные полосы территории, которые предстояло изучать и картографировать. Там не только были исполинские горы, которые следовало покорить (включая высочайшие пики мира), но и новые растения и, возможно, неизвестные животные, которых предстояло открыть. Для тех, кто интересовался оккультизмом или паранормальными явлениями, Тибет с его рассказами о людях, способных летать и совершать другие удивительные подвиги, обещал немало находок. А если было недостаточно и этого, всегда существовало и его золото»¹.

Однако те, кто думал, что теперь попасть в Тибет будет легче, должны были разочароваться. Британское правительство решило, что страна должна остаться запретной. Премьер-министр сэра Генри Кэмпбелл-Баннерман больше не хотел проблем с Тибетом. Одним из первых, кто почувствовал запрет на себе, оказался Свен Гедин. Индийское правительство не пустило исследователя в Тибет, но он обманул власти, поехав для отвода глаз на север якобы в Китайский Туркестан, а на деле внезапно совершив бросок на восток в Тибет, где два года путешествовал, нанося

¹ Hopkirk P. Trespassers on the Roof of the World... P. 194.

на карты реки, горы и священные озёра. Британское правительство оценило его научный вклад, наградив рыцарским званием.

Критики британской политики в отношении Тибета имелись и в рядах администрации Индии. Появившийся в Гьянцзе торговый агент капитан Ф. О'Коннор убеждал своё начальство в условиях продолжающегося отсутствия далай-ламы начать поддерживать панчен-ламу и снабдить его современными ружьями. На это власти не пошли, но в 1907 г. прислали панчен-ламе первый в Тибете автомобиль («Клемент»).

Видя, как британцы один за другим сдают пункты конвенции, ради заключения которой они пошли на такие тяготы, китайцы, должно быть, были сбиты с толку не меньше тибетцев. Однако они видели, что Британия намеревается умыть руки, и собирались заполнить образовавшийся вакуум. В апреле 1906 г. Британия подписала с Китаем договор, по которому по сути признала его верховную власть над Тибетом. А в 1907 г., как сказано выше, была заключена тайная англо-русская конвенция, имевшая отношение и к Тибету.

За этим последовало вторжение в Тибет китайцев, и едва вернувшийся в Лхасу далай-лама XIII с министрами вновь бежал, на этот раз в Сикким. Когда в 1911 г. в Китае разразилась Синьхайская революция и маньчжурская династия была сметена, в Лхасе началась окопная война. В ходе этой войны значительная часть города была разрушена. Китайцам стало не хватать провизии, и в обмен на беспрепятственное возвращение домой они сложили оружие. В 1913 г. далай-лама вторично вернулся в столицу и объявил Китаю о намерении взять полный контроль над Тибетом в свои руки. Пекин оспорил это решение только через 37 лет.

Будучи в Сиккиме, далай-лама сдружился с британским резидентом Чарлзом Беллом. В 1913 г. по инициативе последнего в английскую школу Рагби отправили четырёх тибетских мальчиков. Эксперимент удался лишь частично: мальчики почти забыли родной язык, а главное, слишком многие в ламской иерархии не приняли самой идеи отправки детей в Англию. Правда, один из выпускников Рагби содействовал электрификации части Лхасы. В ходе Первой мировой войны далай-лама молился за победу Британии и предложил ей тысячу воинов. Также благодаря влиянию Белла британские альпинисты после войны получили преимущество над соперниками в гонке за покорение Эвереста.

Высоту этой горы Топографическая служба Индии вычислила ещё в 1852 г. с помощью измерений, сделанных на равнинах Индии. Гору называли в честь основателя этой службы сэра Джорджа Эвереста. Впервые идею экспедиции к Эвересту высказал в 1893 г. известный путешественник по Гималаям лейтенант Чарлз Брюс. Второе предложение было сделано через 13 лет, и британское правительство тоже отвергло его — из-за переговоров об англо-русской конвенции 1907 г. В апреле 1913 г. в Тибет из Сиккима проник капитан Джон Ноэл, нарядившись местным жителем и без разрешения своего правительства и Лхасы. Наняв трёх местных жителей, он подобрался почти к самому Эвересту, но на расстоянии 40 миль от него был вынужден отправиться назад после вооружённой стычки с тибетцами. Однако собранные им сведения о маршруте пригодились первой официальной экспедиции, которая состоялась благодаря влиянию Белла на далай-ламу.

Едва ли экспедиции альпинистов имели бы место, если бы далай-лама не пригласил своего друга Белла в Лхасу — он стал первым приглашённым туда ев-

ропейцем. Альтернативным путём был Непал, а эта страна была ещё закрыта для европейских путешественников. Главной причиной дружественного жеста далай-ламы XIII были стычки его войск на восточной границе с отрядами нового республиканского правительства Китая. Теократический правитель надеялся, что Белл (хотя и в отставке) убедит своё правительство снабдить Тибет современным оружием и военными специалистами. Тот прибыл в Лхасу в 1920 г. В мае 1921 г. небольшая группа альпинистов была отправлена к Эвересту Королевским географическим обществом и Альпийским клубом. В её состав входил лучший альпинист своего времени Джордж Лей-Мэллори. Четырёхсотмильный путь к стоявшему у Эвереста монастырю Ронгбук занял месяц. Это был самый высокогорный монастырь в мире. Здесь британцы впервые услышали о йети, которые иногда уносили женщин или прокусывали шею якам и пили кровь. Началось восхождение, альпинистам пришлось пользоваться принесённым с собой кислородом, так как никто до этого не забирался выше отметки 7500 м. При восхождении обрушилась лавина, и 8 сопровождавших экспедицию шерпов погибли. Позднее карабкавшиеся к вершине Мэллори и Ирвин исчезли. Их гибель в Тибете, как гибель Скотта и его спутников на Южном полюсе — одна из эпопей в истории географических исследований. Это заставило экспедицию повернуть назад, но стало ясно, что Эверест можно покорить.

В 1933 г. член лондонского аэроклуба Морис Уилсон вознамерился покорить гору с помощью самолёта: долететь до середины Эвереста, а затем карабкаться к вершине. Тренировка Уилсона состояла из голодания: он был убеждён, что если желудку требуется всё меньше и меньше пищи, можно пустить высвободившиеся силы организма на дыхание, увеличив приток кислорода. К этому он добавлял мистическое измерение. По его мнению, если человек обходится без пищи около трёх недель, он может достичь полусознательного состояния на грани жизни и смерти, из которого вышел бы очищенным от всех телесных и духовных недугов. Когда выяснилось, что Уилсон собирается нарушить правила воздушного сообщения пролётом через Непал, власти Индии конфисковали его частный самолёт. Тогда Уилсон нанял в Дарджилинге трёх шерпов, и те провели его через границу. Не обладая навыками альпиниста и не имея верёвок, Уилсон всё же смог достичь высоты 6400 м, где первая экспедиция разбила свой третий лагерь. Оставив там шерпов, англичанин полез выше, но не дошёл. В следующем году альпинист Эрик Шиптон нашёл его тело в уже разорванной к тому времени бурями палатке: альпинист-любитель умер от истощения.

«Хотя Лхаса во многом потеряла свою притягательность, нелегально переходить тибетскую границу начала целая череда нарушителей, включая мистиков охотников за растениями, исследователей и просто искателей приключений. В то время как их страна ещё официально была закрыта для всех иностранцев (за исключением тех немногих, кого приглашал сам далай-лама), тибетцы значительно снизили бдительность на перевалах, ведущих в Британскую Индию, которую считали дружественной. При условии, что путешественник по достаточно широкой дуге обходил Лхасу, явиться незванным гостем в Тибет в 1920-е годы было гораздо менее трудным или опасным, чем в любое время с того момента, когда страна в XVIII в. повернулась к миру спиной. Как показывают документы этих нарушите-

лей, некоторые из них сперва добивались разрешения. Однако если им отказывали, они шли всё равно»¹.

Одним из таких нарушителей была исследовательница тибетского буддизма француженка Александра Дэйвид-Нил. Это была первая белая женщина, побывавшая в Лхасе. В Тибет она проникла в 1923 г. в возрасте 54 лет, уже поездив по Азии. Дэйвид-Нил вместе с молодым сиккимским монахом Йонгденом (позднее её приёмным сыном) побывала в Бирме, Китае, Корее, Японии. Почти три года они прожили в монастыре Кумбум на северо-восточной границе Тибета, изучая тантрический буддизм и переводя священные тексты. Спрятав карты и путевые заметки в обуви, Александра и Йонгден проникли в Тибет и странствовали под видом тибетцев-нищих, совершающих паломничество к святому городу. Однажды после преодоления особенно высокого перевала они остановились раскинуть палатку и обнаружили, что у них промокли кремень и огниво. До восхода было несколько часов, и если бы они легли спать в мокрой одежде и без огня, то замёрзли бы насмерть. Александра совершила ритуал *тхумо рескянг*, которому её научили в Тибете. Это способ произвольно повысить температуру тела, чтобы выжить на морозе. Француженка прижала кремень и огниво к телу под рубищем и сконцентрировалась. По её словам, вскоре она увидела окружившие её языки пламени и заснула. Проснувшись, она обнаружила, что её тело согрелось, и они смогли добыть огонь из кремня. Это паранормальное явление неоднократно наблюдали европейские путешественники. Если самосогревание ещё находится в рамках научной достоверности, едва ли то же можно сказать об искусстве летать — *лунгдом*, которое Александра, по её словам, наблюдала в предыдущее посещение Тибета в 1914 г. Однажды она увидела на горизонте человека, который передвигался на большой скорости с помощью удивительных прыжков; он не бежал, а, казалось, отталкивался от земли подобно упругому мячу. Полстолетия назад читающая публика была более падкой на такие сенсации, и в таинственном Тибете возможно было всё. Книги Александры Дэйвид-Нил появились в то время, когда интерес к восточной мистике и оккультизму находился в зените, а зародился он с работ серьёзных учёных XIX в., таких как Макс Мюллер, а также с более сомнительных сочинений Елены Блаватской.

Добравшись до Лхасы, Александра и Йонгден два месяца свободно бродили по этому «ламаистскому Риму». Некоторые тибетцы всерьёз уверяли её, будто Белл приехал в Лхасу получить приказы далай-ламы для британского короля. Путешественникам пришлось спешно покинуть город, когда выяснилось, что они должны давать свидетельские показания в суде (что могло разоблачить их). Во Франции Дэйвид-Нил получила золотую медаль Географического общества и орден Почётного легиона. Она умерла в 1969 г. в возрасте ста лет.

За год до француженки в Тибет из Индии, переодевшись в носильщика при караване, проник доктор Уильям Макговерн из Школы восточных исследований в Лондоне. Однако в Лхасе он заболел дизентерией и, похоже, воспалением лёгких, и ему пришлось открыться властям. У дома собралась большая толпа, которая кричала «Смерть иностранцу!» и в окна швыряла палки и камни. Правда, никто не знал, как Макговерн выглядит, поэтому ему удалось скрыться через боковую дверь. Бо-

¹ Ibid. P. 220.

лее того, как рассказал он в своей книге «Переодетым в Лхасу», он даже присоединился к толпе, кричал и даже швырнул небольшой камень в собственное окно. Почти месяц англичанин оставался в городе под домашним арестом, а затем после аудиенции у далай-ламы был отправлен в Индию под вооружённым эскортом.

«Престиж побывать в Лхасе, будь то легально или нелегально, начинал потихоньку уменьшаться. Кроме сэра Чарлза Белла там побывали по приглашению два других британских чиновника — сам Макдоналд и политический офицер в Сиккиме полковник Эрик Бэйли. Не только тайны Лхасы были открыты внешнему миру чередой посетителей — приглашённых или незваных, — но и сама она практически перестала быть запретным городом»¹.

В документах правительства Индии того времени, относящихся к «несанкционированному проникновению» в Тибет, фигурирует мисс Гертруда Бенхэм. Вскоре после возвращения Дэвид-Нил она проникла в страну и добралась до Гьянцзе. Через четыре года, в 1929 г., она опять попыталась пробраться в страну. Полковник Бэйли написал: «Она принадлежит к плохому типу британского путешественника, поэтому позволять ей проникнуть в Тибет не следует»; объяснения не содержится. В 1937 г. 25-летняя шведка мисс Айна Седерблом въехала в Сикким, но не подписала обычную декларацию, по которой приезжающие обязывались не пытаться въехать в Тибет. Она проникла в страну, переодевшись тибеткой (чиновники Раджа быстро узнали об этом от пограничной сети разведки). Прикреплённый к британской торговой миссии в Ятунге врач капитан У.С. Морган получил инструкцию поймать и выдворить мисс Седерблом, что и сделал.

В межвоенный период среди альпинистов ходили слухи о существовании на восточной границе Тибета ещё более высокого пика, чем Эверест; местные знали его под названием Амнэ-Мачин. Первым западным путешественником, который увидел эту гору (хотя и за много миль), был британский военный атташе в Пекине генерал Джордж Перейра в 1922 г. В 1925 г. к этому пику во главе небольшой, но хорошо вооружённой экспедиции отправился американский ботаник Джозеф Рок, который провёл много лет в поисках неизвестных науке растений на китайско-тибетской границе. В течение нескольких месяцев экспедиция не могла попасть в место назначения из-за отличавшейся зверствами войны между мусульманами и тибетскими племенами. Население было настолько известно своими жестокостями, что китайские войска в этот район не совались. Рок и его группа наконец добрались до верховьев Хуанхэ, где наткнулись на монаха, который «печатал» священные образы Будды на воде с помощью медной формы на деревянной доске: по его мнению, этим он приобретал религиозные заслуги. Подойдя к нужному хребту, Рок насчитал 9 пиков, но, не имея с собой теодолита (странно, что в такую экспедицию прибор не взяли), он не мог измерить высоту крупнейшего из них с научной точностью. Однако он заявил, что высота горы не менее 8500 м. Легенда укоренилась, и целое поколение альпинистов и исследователей верило в существование такой горы. Прошло более 20 лет, пока не установили истинную высоту Амнэ-Мачин — всего 6282 м.

Некоторые собиравшие растения британские чиновники во время и после Второй мировой войны имели возможность работать в богатом ещё не открытыми ви-

¹ Ibid. P. 228–229.

дами районе Лхасы. В это время в столице Тибета существовала небольшая британская миссия, юридический статус которой был нечётким; специального письменного соглашения не было. По договору Янгхазбенда британские чиновники могли въезжать в Тибет не дальше Гьянцзе, но если далай-лама хотел, он мог приглашать отдельных чиновников в Лхасу. Так посетил её в 1920 г. сэр Чарлз Белл. В 1924 г. за ним последовал полковник Бэйли, а в 1930 г. — его преемник на посту политического офицера в Сиккиме полковник Лесли Уэйр с женой. Через два года Уэйр вторично посетил Лхасу, так как далай-лама искал британской помощи против китайцев. Преемник Уэйра Гарри Уильямсон тоже посетил Лхасу дважды и там и умер: когда он заболел, в Калькутте хотели послать за ним самолёт, но тибетские власти воспротивились, опасаясь разгневать этим духов (в Лхасе прежде не садился ни один самолёт). В 1937 г. Лхасу по приглашению тибетцев посетил политический офицер в Сиккиме Гоулд.

После смерти далай-ламы XIII у тибетцев опять возникли проблемы с китайцами и они искали совета британцев. Китай под видом миссии соболезнования основал в Лхасе небольшое представительство и не собирался его закрывать. Гоулд, уезжая, оставил в Лхасе чиновника Хью Ричардсона, который сделался выдающимся знатоком Тибета. Китайцы протестовали, но тибетцы заверили их, что как только те выведут собственную миссию и прекратят радиовещание, о том же попросят британцев. Пекин не собирался отказываться от присутствия в Лхасе, поэтому маленькая британская миссия стала более или менее постоянной, хотя и без дипломатического статуса.

В годы Второй мировой войны эту миссию возглавлял сначала известный собиратель растений Фрэнк Ладлоу, а затем его спутник-ботаник капитан Джордж Шеррифф с женой. Шерриффы познакомили тибетцев с настольным теннисом и крикетом, причём ламы научились обманывать партнёра, используя свои длинные одеяния для скрытного перемещения крикетного мяча. У миссии был кинопроектор, и тибетцы без устали смотрели Чарли Чаплина.

Однажды ночью в ноябре 1943 г. грузовой самолёт ВВС США попал в тропическую бурю над горами Северной Бирмы. Экипаж в составе пяти человек, включая командира — лейтенанта Роберта Крозье — возвращался из Куньмина на юго-западе Китая (американцы снабжали Чан Кайши в войне с японцами) на базу Джорхат в Северной Индии. До этого снабжение шло наземным путём через Бирму, но быстрое наступление японцев сделало его невозможным. Несмотря на давление Британии и угрозы со стороны Китая, тибетцы отказались пустить снабжение по своей территории, желая соблюсти нейтралитет.

О приключении лейтенанта Крозье и его команды поведал он сам после войны, и была издана книга «Прыжок на Землю бога». Попав в бурю, экипаж самолёта понял, что заблудился; радио вышло из строя, кончалось горючее. Теряя высоту, команда с изумлением увидела огни города, но без аэродрома — это была Лхаса. Пилоты катапультировались, а самолёт врезался в подножие горы и взорвался. Американцы очутились близ горной деревни Цетанг и стали объектом недоверчивого, но дружественного любопытства. Из Лхасы прибыл чиновник с приказом препроводить американцев в столицу. Население снабдило их меховой одеждой, обувью и одеялами. По прибытии в Лхасу китайские представители приветствовали амери-

канцев как союзников. В китайской миссии в городе был дан обед, но вдруг у миссии собралась толпа разгневанных тибетцев. Как с удивлением узнали американцы, те были возмущены их святотатством: пролетев над Лхасой, американцы как бы взглянули на далай-ламу сверху, что недопустимо. В дом полетели камни. Однако китайцы, сев верхом, направили лошадей на толпу и стали разгонять её плетьюми, поддержанные группой тибетских полицейских. Американцы укрылись в здании британской миссии у Шерриффов, а в декабре 1943 г. в сопровождении солдат уехали из Лхасы к индийской границе.

История австрийских альпинистов Генриха Харрера и Питера Ауфшнайтера, которые бежали, будучи интернированными в Британской Индии, и в январе 1946 г. достигли Лхасы, слишком известна. Харрер стал наставником и другом юного далай-ламы XIV, познакомив его с современной наукой и историей¹. Менее известна другая история побега в Тибет во время Второй мировой войны; она изложена в книге поляка Славомира Равича «Долгий путь». Автор с семьёй товарищами бежал из сибирского ГУЛага и через Тибет добрался до Индии. Одни считают его книгу шедевром литературы о путешествиях, но другие, знакомые с регионом лучше, поставили достоверность рассказа под сомнение. Немало ездивший по Центральной Азии до войны Питер Флеминг выразил удивление, как Равич мог пересечь главную военную дорогу между Ланьчжоу и Урумчи и не помнить её. Как мог он достичь Тибетского нагорья и не заметить горного бастиона, который ему пришлось бы преодолеть в первую очередь? Когда через 14 лет вышла книга, ни три выживших спутника Равича, ни сотрудники больницы в Калькутте, где он поправлял здоровье, ни директор военной разведки Индии ничего об этом эпизоде не рассказали. Равич, поселившийся под Ноттингемом, объяснил, что они были не исследователи, а голодные беглецы, и не помнить пересечённых дорог или гор для них естественно, тем более что карт у них не было.

Ещё одним бестселлером о Тибете стала книга «Третий глаз», написанная якобы ламой по имени Лобсанг Рампа. Автор познакомил читателей с тайнами тибетского монастыря, где, по его словам, его в возрасте 7 лет выбрали для операции с целью открыть его «третий глаз». По его утверждению, ему в лоб вживили деревянную щепку, стимулируя железу ясновидения. Автор красочно описал, как имел мистический опыт «живой смерти» в вулканических пещерах под Поталой. Публика жадно ловила каждое слово этого бестселлера — даже после того, как вскрылась истина. Автором оказался водопроводчик из Корнуолла Сирил Хоскинс с тя-

¹ К сожалению, Хопкирк не говорит о геополитической и оккультной составляющей экспедиции Харрера и других посланцев нацистской Германии в Тибет. Однако на эту тему существуют увлекательные работы, такие как: Воробьевский Ю. Аненербе — оккультный меч рейха. М.: Яуза, Эксмо, 2004; Кранц фон, Г.-У. Аненэрбе. «Наследие предков». Секретный проект Гитлера. СПб.: Вектор, 2006. Вообще жаль, что в контекст Большой Игры Хопкирк поместил Тибет лишь рубежа XIX–XX вв., а при взгляде на эту страну в первой половине XX в. ограничился поездками туда путешественников, без рассмотрения Тибета на фоне широкой панорамы евразийской геополитики (в отличие от того, как он рассмотрел Среднюю Азию, Афганистан и Кашгарию XIX в.). Пробел восполняют новейшие книги других авторов, прежде всего: Шишкин О.А. Битва за Гималаи: Путь в Шамбалу. НКВД: магия и шпионаж. М.: Яуза, 2003; Meyer K.E., Brysac S.B. Tournament of Shadows: The Great Game and the Race for Empire in Central Asia. N.Y.: Basic Books, 2006. В частности, в этих двух книгах подробно поведано о роли Н.К. Рериха в его малоизвестной ипостаси агента спецслужб. — К.Ф.

гой к оккультизму. В Тибете он никогда не бывал, а после разоблачения объяснил репортёрам, что в тибетском монастыре жил... в предыдущей реинкарнации. История с Хоскинсом показала, что интерес публики к Тибету в середине XX в. оставался столь же ненасытным, как и в XIX.

В 1950 г. Тибет заняла армия коммунистического Китая. Далай-лама XIV зывал о помощи к другим странам, к ООН, но безуспешно. Сначала китайцы вели себя в отношении местного населения сдержанно, но видя, что тибетцы не в восторге от их присутствия, развернули антирелигиозную кампанию. Началось вооружённое партизанское сопротивление, а в 1959 г. в Лхасе вспыхнуло антикитайское восстание. Одни видят в этом опасения тибетцев за свою религию и образ жизни, другие — руку ЦРУ. Как бы то ни было, восстание было подавлено, далай-лама бежал в Индию, и за ним эмигрировали около 80 тыс. тибетцев¹. Подавление восстания навредило образу КНР в «третьем мире». Китайские власти стали искоренять влияние монастырей и крупное землевладение. В годы «культурной революции» хунвэйбины уничтожили ещё уцелевшие святыни.

После смерти Мао власти КНР признали, что имели место перегибы, и ослабили хватку («правило 31»): прекратили религиозные гонения, восстановили традиционные тибетские методы хозяйствования. Даже далай-лама теперь не утверждает, будто для обычных тибетцев китайцы не сделали ничего. Тем не менее власти разгоняют антикитайские выступления и переселяют в Тибет ханьцев. Сегодня страна подверглась и новому вторжению — западных туристов. Возможно, тибетцы уже смирились с потоком незваных гостей. «Даже если это и так, трудно не чувствовать некоторую симпатию к этому мягкому, весёлому и немало вытерпевшему народу, который всегда просил внешний мир лишь об одном — оставить его в покое»².

---

¹ Ibid. P. 260.

² Ibid. P. 266.

11. По следам Кима

В завершение — о романе Редьярда Киплинга «Ким» о мальчишке-шпионе, который с детства был любимой книгой Хопкирка. Эта книга и пробудила в нём интерес к Большой Игре.

В детстве Хопкирк мечтал вступить в англо-индийскую армию, но родился слишком поздно для этого: в августе 1947 г. (когда ему ещё не было и 17 лет) британцы ушли из Индии. Однако послужить в колониальных войсках будущий исследователь успел — в Сомали в рядах Королевских африканских стрелков. В советскую Среднюю Азию он впервые попал в 1968 г., посетил также Кашгар, Кабул, Монголию, Северный Пакистан и Гималаи — все места, связанные с Большой Игрой. Работая корреспондентом газеты *The Times* по Ближнему и Дальнему Востоку, Хопкирк всё же находил время для написания книг об имперском соперничестве в Центральной Азии. К 1994 г. он вернулся к началу своей деятельности и решил отыскать прототипов персонажей «Кима» и проехать по маршруту путешествий главного героя¹.

Идея персонажа Кима пришла Киплингу в голову летом 1892 г. Оригинальная рукопись романа хранится в Британской библиотеке, подаренная автором в 1925 г. Роман был впервые опубликован в декабре 1900 – октябре 1901 г. в нью-йоркском ежемесячнике «*McClure's Magazine*». Первое издание книги появилось 1 октября 1901 г. в издательстве «*Macmillan*»; иллюстрации рисовал отец Киплинга, одарённый художник.

В начале романа сироте-ирландцу Киму было 13 лет; киплинговеды выяснили, что мальчик должен был родиться 1 мая 1865 г. В том же году родился сам Киплинг, который отчасти писал роман как автобиографию. Маленький Редьярд провёл значительную часть детства, общаясь с индийскими слугами; неудивительно, что на хиндустани он изъяснялся свободнее, чем по-английски. Вместе с тем написанием «Кима» Киплинг во многом обязан глубоким познаниям об Индии своего отца. Именно Локвуд Киплинг — основатель Лахорского музея — послужил прототипом белобородого куратора «Дома удивительных вещей» в романе.

Кроме самого автора имелись у Кима и другие прототипы, например, загадочный молодой человек по имени Дьюри, сын британского солдата и индианки, который в 1812 г. появился в бунгало политического офицера М. Элфинстона после пу-

¹ Hopkirk P. Quest for Kim: In Search of Kipling's Great Game. L.: John Murray, 1996. P. 6–11.

тешества через Афганистан под видом мусульманина. Другим прототипом Кима послужил сын ирландского сержанта и тибетки Тим Дулан¹. Существует отдалённое, но узнаваемое сходство Кима с Маугли.

Поскольку Ким предположительно родился одновременно с Кипплингом, 13 лет (когда открывается повествование) ему должно быть в 1878 г., когда Большая Игра как раз находилась в зените. Газета, с которой позднее сотрудничал Кипплинг, — *Pioneer* — была весьма русофобской. Русофобские мотивы в его рассказах и поэмах присутствуют. Примеры — рассказ «Человек, который был» (1890 г.) о визите казачьего офицера в британский полк в Пешаваре и стихотворение «Перемирие с медведем» (1898 г.) о вероломном медведе, который покалечил пощадившего его человека.

Свой путь по стопам Кима Хопкирк начал с Лахора. Он выяснил, что прототипом монастыря, откуда пришёл тибетский лама, послужил монастырь Лунг-Кар. Побывав в Лахоре у музея, Хопкирк увидел пушку Замзама и нескольких пакистанских мальчиков на ней: за последние сто лет здесь изменилось очень мало. Лахорский музей был построен для Панджабской выставки 1864 г., а в 1890 г. началось строительство нового здания музея, который сейчас известен своими буддийскими и исламскими коллекциями, принимая в год 600 тыс. посетителей². Старое здание «Дома удивительных вещей» ещё существует, превращённое в крытый рынок. Сам Кипплинг знал индийские кварталы старого Лахора лучше любого другого англичанина.

Другой персонаж романа, торговец лошадьми и агент британской разведки Махбуб Али списан с реального афганца, которого Кипплинг знал, будучи молодым журналистом. Приезжая в Лахор, тот заходил к «Каппилин-сахибу», снабжая его сведениями о событиях за Хайберским проходом. Хопкирк побывал на месте лошадиного рынка Султан-серай и обнаружил, хотя и плохо сохранившиеся, деревянные ворота того времени.

Следуя по пути Кима с ламой, Хопкирк проехал по железной дороге из Лахора до пограничного с Индией местечка Вагах, вернулся в Лахор, затем въехал в Индию на такси и добрался до Амбалы. В описанную в романе эпоху это был значительный гарнизонный город на стратегической Великой колёсной дороге от Калькутты до Хайберского прохода. В Амбале автор искал дом, который напоминал бы таковой полковника Крейтона из романа, и нашёл бунгало, которое было старше и больше прочих. В саду была прибита табличка с именем современного владельца — какого-то полковника.

Прототипом полковника Крейтона скорее всего послужил начальник индийской разведки капитан (позднее полковник) Томас Монтгомери. Кипплинг, несомненно, знал о деятельности пандитов. Не случайно идея кодовых имён шпионов в романе (C25, R17 и E23) заимствована у Монтгомери.

Хотя в описанное в «Киме» время в Индии не было всевидящей спецслужбы, которую столь живо изобразил Кипплинг, продвижение России по Средней Азии в южном направлении беспокоило британских военных в Шимле. В 1879 г. они создали Отдел разведки в составе пяти офицеров и двух клерков-индийцев. Его задачей было собирать информацию о расположении русских войск и русских военных картах региона, а также переводить на английский военную литературу. Однако разведка невоенного характера, особенно вопросы, связанные с благонадёжно-

¹ Ibid. P. 23.

² Ibid. P. 47.

стью махараджей и племенных вождей, была епархией Иностранного и политического департамента Британской Индии. Тем не менее Киплинг продемонстрировал предвидение: в 1904 г. британцы учредили спецслужбу, которая напоминала охватывавшую всю Индию шпионскую сеть Крейтона. Это было реакцией на брожение в стране, вылившееся в волну терроризма против британских чиновников.

Школы св. Ксавьера, куда в романе отправили Кима, в Лакхнау не существовало. Однако мало кто из киплингovedов сомневается, что школа смоделирована по одной из самых известных в Британской Индии публичных школ — колледжу *La Martinière* в том же Лакхнау. Основателем колледжа был французский авантюрист Клод Мартэн, который дослужился до генерал-майора в армии Ост-Индской Компании и стал миллионером. Перед смертью в 1800 г. он завещал крупную сумму на содержание названной его именем школы для мальчиков¹.

Город Шимла, куда перенеслось действие романа из Лакхнау, во времена Кима был летней столицей Британской Индии. Прототипом Лурган-сахиба, который обучал Кима в Шимле шпионскому искусству, стал некий А.М. Джекоб. Этот загадочный человек выдавал себя за турка, но некоторые считали его армянином или польским евреем, родившимся в Турции. Десяти лет Джекоба продали в рабство к богатому паше, и он глубоко познал восточную жизнь, языки и искусство. Служил секретарём у придворного в Хайдарабаде, перебрался в Дели, где стал торговать драгоценностями, а в 1870-е гг. объявился в Шимле, где был окутан тайнами благодаря своим предполагаемым магическим способностям. Дела Джекоба стали ухудшаться, когда он не получил возмещения за проданный низаму Хайдарабада бриллиант «Виктория». Джекоб стал банкротом, был вынужден продать имущество и перебрался в Бомбей, где умер в 1921 г. По-видимому, Киплинг знал, что Джекоб тайно работает на правительство Британской Индии, поэтому и сделал его в романе правой рукой Крейтона.

Прототипом бенгальца Хари Чандера Мукерджи (или Бабу/R17) выступил пандит Сарат Чандра Дас, который совершил два путешествия в Тибет. По возвращении он жил в Дарджилинге, собирая сведения о Тибете для индийского правительства и посвятив себя изучению страны.

Ким борется в романе с двумя иностранными шпионами — русским и французом. Французская угроза Индии существовала в начале XIX в., а в 1898 г. Британия и Франция едва не вступили в войну после Фашодского инцидента. Прототипом француза, вероятно, послужил французский исследователь Габриэль Бонвало, который в 1887 г. переполошил британцев своим появлением на Памире и в Читрале (его приняли за русского). Прототипом русского шпиона почти наверняка стал капитан Громбчевский, посетивший в 1889 г. княжество Хунза.

Наконец Хопкирк проделал путь на запад, побывал в Дехрадуне на месте штаб-квартиры Тригонометрической службы Индии, где Монтгомери обучал своих пандитов. Автор посетил здание 1823 г., которое сейчас превращено в частный музей с бронзовыми статуями отцов-основателей.

Как сказал в романе Лурган-сахиб: «Большая Игра не прекращается ни днём, ни ночью». Борьба за политическое влияние в Центральной Азии и за обширные экономические ресурсы этого огромного региона идёт и сегодня, обостряясь буквально с каждым годом.

¹ Ibid. P. 134.